

сентябрь 2016

журнал
Никиты Михалкова

Свободы

И ЭТО ВСЕ О НЕМ

Евгений Леонов
как символ нашей
цивилизации

ФОТО: РИА НОВОСТИ

**Русская королева
эллинов**
Почему в Греции
чтят внука Николая I

**Когда поет
далекий друг**
Тот, кто мог сказать
за всю Одессу

**Юрий
Кублановский:**
«90-е принесли
настоящую катастрофу»

10.09 — 11.09

Правительство Москвы приглашает
столичных жителей и гостей
Златоглавой на День города!

**КРАТКИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПЛАН
ЦЕНТРАЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ:**

Церемония открытия Дня города на Красной площади с прямой трансляцией на всех городских площадках. 10 сентября, 12.00.

Общегородской музыкальный старт. На всех площадках прозвучит Гимн Москвы, который послужит символическим началом празднования Дня города. 10 сентября, 13.00.

Парад российского студенчества. 10 сентября, 13.00–19.00. Поклонная гора.

День города для детей. 10 сентября, 13.00–19.00 и 11 сентября, 13.00–19.00. Екатерининский парк.

Концерт с участием звезд молодежной музыки. 10 сентября, 16.00–19.00. Поклонная гора.

Большой праздничный концерт с участием популярных групп и исполнителей.

10 сентября, 20.00–22.00. Поклонная гора.

Кинопоказы фильмов о Москве.

10 сентября, 13.00–22.00. Парк Горького.

Общегородской день экскурсий.

10 сентября. Полное расписание см. на сайте MOS.RU

Праздничный салют, фейерверки.

10 сентября, 22.00. Парки столицы.

Выступления музыкальных коллективов и исполнителей, подведомственных Департаменту культуры города Москвы.

11 сентября, 13.00–19.00. Театральная площадь, Патриаршие пруды, Цветной бульвар.

Специальные (музыкальные, спортивно-развлекательные, творческие, культурно-образовательные и др.) проекты

в административных округах.

10 сентября, 13.00–22.00

и 11 сентября, 13.00–19.00.

Свой

ежемесячное приложение
к газете «Культура»

сентябрь 2016

**ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА
ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА**

2	Слово издателя
Миссия любви	28–30	Служу России
Гвардия не сдаётся
Генерал Иван Руссиянов
и боевая элита Советов
3–6	Наука побеждать
Имперский путь
Ништадтский мир и признание России
великой державой	31–33	Достояние
Когда поет далекий друг
7–11	Философ о философе
Наш Леонардо
Павел Флоренский — вера и разум	34–37	Стоп-кадр
И это все о нем
12–15	Символ веры
Святое восхождение
О духовных подвигах Александра Невского	38–40	Званный гость
Юрий Кублановский:
«90-е принесли настоящую катастрофу»
16–18	Культурная эволюция
Под державной рукой
Как создавалась наша историческая наука	41–43	На семи холмах
Чудо-остров
В столичной Нагатинской пойме строится
крупнейший в Европе парк развлечений
19–23	Дом Романовых
Русская королева эллинов	44–47	Записки охотника
Кружка малины
24–27	Своя земля
Красный Колумб
В его честь советских детей
нарекали Лагшминальдами
и Лагшмиварами	48	Трапезная
Просто и со вкусом

Главный редактор Елена Ямпольская, шеф-редактор Наталья Семина, ответственный секретарь Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633

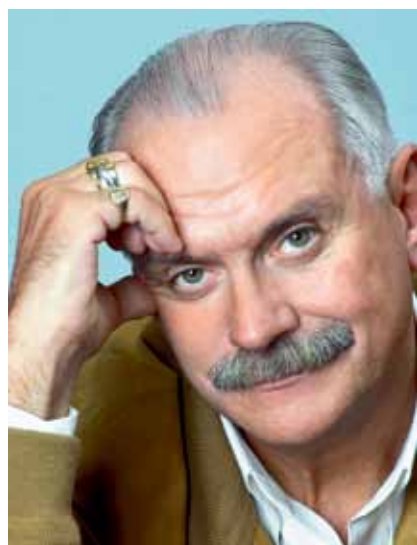
«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии ООО «Первый полиграфический комбинат»

Тираж 35 000

Подписано в печать 29 июля 2016 г.

Миссия любви

В беседе с писателем Захаром Прилепиным на одном из православных телеканалов мы затронули тему империи. Не империи вообще, а именно русской — той, которой присущи традиционные национальные черты. Вспомнили, как водится, императора Александра III с его хрестоматийной фразой: «Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать», Достоевского с размышлениями о русской душе, «всечеловечной и воссоединяющей», призванной «изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову Евангельскому закону».

Империя в нашем понимании — это не только и не столько гигантские территории, населенные множеством разных народов, сколько особая миссия. Как раз о ней писал Федор Михайлович, на нее остроумно и в то же время философски намекал Александр Александрович, просивший суетных европейцев не докучать ему во время рыбалки...

Пока мы с Захаром говорили, вспомнился некогда поразивший меня случай — крохотный вроде бы эпизод Великой Отечественной. Однажды лютой зимой пришел на побывку — по ранению, дней, может быть, на десять — в родную деревню на Вологодчине солдат: поезд, грузовик-попутка, сани-розвальни, семь километров по сугробам пешком. Глухая ночь, мороз за тридцать. Вся деревня спит, в том числе жена Настя и двое ребятшек. Солдат наконец добирается до своего дома, стучит в окно. Настёна просыпается, подходит к окошку, дышит на стекло, покуда на нем не образуются оттаявший «пятячок», и заспанно глядит на улицу. А там — Толик! Она думает, что это ей всего лишь снится. И бредет обратно в постель — досмотреть чудесный, счастливый сон. А солдат стоит до утра на жгучем морозе, не смея еще хотя бы раз ее, ненаглядную, потревожить!..

Когда я рассказываю эту историю о любви нашим соотечественникам, где бы мы ни встречались — в Сибири, на Дальнем Востоке, в Краснодарском крае или в Москве, — кто-то начинает тихо покашливать — першит в горле, у кого-то замечаю увлажнившиеся глаза.

Абсолютно другая реакция на этот рассказ будет у жителей Запада. Те сочтут, что русский Толик повел себя крайне нерационально, даже глупо. Вместо того, чтобы разбудить домашних и провести драгоценные часы в тепле и уюте, зачем-то околевал от стужи...

Европа давно разменяла свое «право первородства», а попросту говоря, предала и Христа, и свою традиционную культуру. За что жесточайшим образом расплачивается сегодня, не только вызывая у нас понятное сострадание, но и давая крайне поучительный урок.

Наш народ, как мне кажется, отчасти растерял, но не утратил безнадежно тех качеств, которые описаны и Достоевским, и Шолоховым, и многими-многими другими русскими писателями, мыслителями. Он все еще способен «изречь окончательное слово великой, общей гармонии», великой любви. А если так, то империи — огромной духовно и душевно соединенной общности — быть.

Имперский путь

195 лет назад, 10 сентября (н. ст.) 1721 года, был подписан Ништадтский мир, официально завершивший крупнейшее на тот момент геополитическое противостояние — Северную войну, в которой Россия одержала победу над Швецией. Историческая кампания, длившаяся с разной интенсивностью на протяжении двух с лишним десятилетий, фактически поставила крест на имперском, великодержавном статусе нашего северного противника и, напротив, наделила совокупностью таких качеств Русское государство. Отныне — с 2 ноября 1721-го — оно с полным правом стало именоваться Российской империей.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Полтавская баталия». Фрагмент мозаики М. Ломоносова

Игорь Немчинов

КОГДА Петр Великий про-рубал свое окно в Европу и строил Санкт-Петербург, он не захватывал вероломно шведские земли или «северные прибалтийские провинции», как по сей день трактуют те события шведские же источники. Русский царь всего лишь возвращал России законные территории, принадлежавшие ей с незапамятных времен. Шведы воспользовались в XVII столетии Смутой и оттяпали у Руси края, некогда входившие в состав еще древней Новгородской республики. Закрыв тем самым нашему государству выход к Балтике.

«Северный сосед» в лице его правителей был по отношению к русским крайне недружелюбен, чертовски высокомерен, к тому же на свою беду оказался патологически самонадеян. Вот эту патологию и пришлось хирургически лечить Петру I совместно с вверенными ему войсками. То, какими видели наших пращуров, живших в начале XVIII века, «свободные западные граждане», демонстрирует всем известный Вольтер — в своем труде «История Карла XII»: «Московиты были менее цивилизованны, чем обитатели Мексики при открытии ее Кортесом. Прирожденные рабы таких же варварских, как и сами они, властителей, влачили они в невежестве, не ведая ни искусств, ни ремесел и не разумея пользы оных...

Единственными полками, на которые можно было хоть сколько-нибудь надеяться, были те, коими командовали немецкие офицеры, но, к сожалению, оные оказались в слишком малом числе. Остальные же представляли собой сборище согнанных из лесов варваров, оде-

Ж.-М. Натъе. «Портрет Петра I в рыцарских доспехах»

тых в звериные шкуры и вооруженных кто луком, а кто просто дубиной. Лишь у немногих были ружья, и ни одному не приходилось еще участвовать в регулярной осаде. К тому же во всей армии не нашлось ни одного умелого артиллериста».

Что особо примечательно в этих вольтеровских «характеристиках»? Если не обращать внимания на типичную развесистую клюкву и на то, что описания касаются в основном битвы при Нарве — первого петровского «блина» в Северной войне, вышедшего чудовищным комом, — прежде всего бросаются в глаза нескрываемое презрение к «варварам-московитам» и твердая уверенность, что Россия и русские не имеют моральных, а равно юридических прав ни на самобытность, ни, тем паче, на великодержавность.

Подобный взгляд на нашу страну и ее народ был характерен для западных прогрессоров задолго до рождения Вольтера и много позже его смерти. К примеру, дружной парочке Марксу — Энгельсу принадлежали отнюдь не в меньшей степени русофобские и в то же время ничуть не менее категоричные высказывания. Этот фактор, надо полагать, как раз и был перманентной причиной страшных, чело-веконенавистнических, тотально опустошительных войн, которые Запад вел против Российского государства.

Кстати, о немцах. Первое лицо эпохи Просвещения отрекомендовало их в приведенном фрагменте как исключительно умелых, эффективных, надежных воинов, противопоставив никудышным русским. Однако тогда же, в пе-

риод крайне неудачных сражений под Нарвой, за ними в наших войсках закрепилась совершенно иная слава: их чуть ли не поголовно считали изменниками. Вряд ли тот стереотип был стопроцентно справедлив, но предавали немцы (говоря шире — иностранцы) не только в эпизодах с отдельными перебежчиками в стан противни-

ка, но и на уровне целых союзнических армий.

Когда царь Петр вступал в эту войну, в соратниках у него значились Саксония, Дания и Речь Посполитая. Истинные ценность и жизнестойкость этого альянса наиболее наглядно проявились в битве при Фрауштадте (ныне Всхова, Польша) зимой 1706-го.

Там командование саксонской армии предприняло «решительное» наступление, завершившееся в итоге ее постыдным поражением. В составе этих войск был, увы, и русский корпус, бойцы которого долго не получали от «союзников» ни положенного жалования, ни приличного обмундирования, ни более-менее приемлемого снабжения жизненно необходимым. Тем не менее именно русские оказали серьезное сопротивление бросившемуся в стремительную контратаку врагу, в то время как саксонские полки в панике бежали с поля брани.

Чтобы было понятно читателю, чем в действительности закончилась бойня под Фрауштадтом, и дабы ни у кого не возникало подозрений в пристрастности (читай, русофильстве) рассказчика, обратимся к трудам современного шведского историка Петера Энгльунда:

«В этой битве Реншэльд (шведский фельдмаршал. — «Свой») ясно показал свою силу как полководца. При этом же случае он показал также и кое-что другое: жесткую и холодную беспардонность, граничащую с жестокостью. А именно: после битвы отдал приказ казнить всех взятых в плен русских. В заключительных фазах сражений вражеские солдаты, которые еще стояли на ногах, бросали оружие, обнажали головы и зывали о прощении. Саксонских солдат щадили, но русским не приходилось ждать никакой милости. Реншэльд приказал поставить шведские отряды кольцом, внутри которого собирали всех взятых в плен русских. Один очевидец рассказывает, как потом около 500 пленных «тут же без всякой пощады были в этом кругу застрелены и заколоты, так что они падали друг на друга, как овцы на бойне». Трупы лежали в три слоя, размочаленные шведскими штыками... Другой участник сражения рассказывает: «Узнавши, что они русские, генерал Реншэльд

Г. Седерстрем. «Мазепа и Карл XII после Полтавской битвы»

П. Шенк. «Подписание мирного договора в Ништадте». Гравюра. 1721

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

велел вывести их перед строем и каждому прострелить голову; воистину жалостное зрелище!» Это была необычная и отвратительная акция <...> боине при Фрауштадте не было равных в те времена, как по масштабам, так и потому, что совершалась она с холодным расчетом. Без сомнения, можно предположить особую жгучую неприязнь, направленную именно против русских, неприязнь, которая уже в те времена, имела исторические корни. И все же, по всей вероятности, зверский приказ Реншёльда не был отдан в состоянии аффекта, а был, напротив, глубоко продуман. Таким образом он избавлялся от толпы обременительных пленных, которые, в отличие от саксонцев, имели мало цены как перевербованные ратники в собственном войске. В то же время Реншёльд хотел на судьбе этих несчастных русских преподать урок другим, сделать ее устрашающим примером».

Как видим, причину беспримерной жестокости, приведшей к дичайшему военному преступлению, Энглунд находит в чистом прагматизме своих предков-соотечественников. И при этом пытается обойти вниманием махровую русофобию, традиционный для Запада мотив, которым руководствовались, скажем, Гитлер, Гиммлер и Геббельс, когда «судьбу несчастных русских» в очередной раз в истории пытались «сделать устрашающим примером».

Армия Петра как таковая не принимала участия в схватке при Фрауштадте. Наш корпус там, повторимся, был в составе войск саксонского курфюрста Августа II. Однако как раз на этих прусско-польских землях шведы наиболее наглядно продемонстрировали свое истинное отношение к русским людям. Ну а долг, как известно, платежом красен. Этот — накопившийся с учетом неудач 1700 года — мы с лихвой вернули супостату в 1709-м: «Было дело под Полтавой, дело славное, друзья! Мы дрались тогда со шведом под знаменами Петра».

Мир, завершивший Северную войну, заключили в Ништадте (ныне Уусикаупунки, Финляндия) лишь через 12 лет после виктории в Полтавском сражении. Российские вооруженные силы тогда еще не были готовы гнать и бить врага до полнейшего разгрома, до Стокгольма. Война отнимала слишком много сил и средств у страны, переживавшей титанические преобразования. Но главные задачи, которые ставил перед собой Петр Великий, в этой кампании оказались полностью выполнены: Россия стала великой мор-

ской державой (и великой державой вообще), обрела в боях сильную армию и флот, расширила свои территории и, наоборот, значительно сузила притязания тех, кто хотел ее покорить, войдя в Москву, а Санкт-Петербург сравняв с землей.

С тех пор, нелишне отметить, шведы постепенно превращались в один из самых мирных народов на планете, потихоньку шли к своему шведскому социализму, шведскому качеству в промышленности и всему такому прочему, тоже шведскому.

Но их пример в любом случае не нам наука.

Что бы ни говорили доморожденные русофобы о благотворности распада империй и даже объективности таких процессов, закономерность, которую подсказывает история, на самом деле одна: Россия просто-таки обречена быть огромной и могущественной. А также неперемным усмирителем всех, кто посягает на ее территории и ее незыблемое право оставаться собой.

Скульптура П. Баратты «Мир и Победа» в Летнем саду

М. Нестеров. «Философы (С. Н. Булгаков и П. А. Флоренский)», 1917

Наш Леонардо

Среди всех русских мыслителей Серебряного века Павлу Флоренскому выпали, пожалуй, наиболее тяжкие испытания и самая трагическая судьба. О его жизни и творчестве следовало бы рассказывать подробно и долго, однако в рамках единственной публикации в нашем журнале это едва ли возможно. Заместитель декана философского факультета МГУ, доцент кафедры истории русской философии Алексей КОЗЫРЕВ освещает в основном один, но очень важный аспект — тему истоков, причин, «органической природы» мировоззрения этого многосторонне одаренного человека, его вдохновенных, оригинальных теорий и открытий.

ПАВЕЛ Флоренский появился на свет в 1882 году в местечке Евлах, недалеко от теперешнего Нагорного Карабаха. Он совместил в себе две крови — среднерусских священников (дед по отцу служил под Костромой) и карабахских армян, беев Сапаровых. Его родитель трудился инженером-путейцем, и тогда, в эпоху Александра III, это звучало очень гордо. Россия переживала бум железнодорожного строительства, стальные пути тянулись всюду, в том числе на Кавказ.

Семья Флоренских обосновалась в Тифлисе, где Павел окончил гимназию. Среди его соучеников оказалось немало тех, кто впоследствии станет знаменитым, внесет немалый вклад в отечественную культуру. Он подружился с будущим философом Владимиром Эрном и будущим священником Александром Ельчаниновым. (Там же в те годы учились поэт и художник Давид Бурлюк, меньшевик Ираклий Церетели, советский партийный деятель Лев Каменев.)

Религиозных убеждений в детстве ему не прививали: родители принадлежали к различным ветвям христианства, а отец и вовсе отошел от церкви, отдавая дань науке и прогрессу. Вместе отмечали лишь общехристианские праздники. Глава семейства был изначально настроен дать сыну научное воспитание, старался заинтересовать его атласами, энциклопедиями и другими популярными изданиями-пособиями.

Однако ребенка влекло все чудесное, сказочное. К примеру, новеллы Гофмана, которые от него прятали, запирали в отцовский шкаф. Мальчик проникал в это хранилище и извлекал оттуда запретное. В его душе горел неискоренимый огонь поиска таинственного, особенного, исключительного.

Заслышав ночью музыкальное перестукивание частичек хрустальной люстры, колышемых ветром, он представлял, что некий неведомый зверь разговаривает с ним... Когда наблюдал в цирке за фокусником, показывавшим всем известный номер со ступой, пестиком и разбитыми вдребезги, а после чудесно вос-

П. Флоренский. 1923

становленными (в чьем-то кармане) часами, Павлик искренне верил: часы действительно сначала распались, разлетелись на тысячи осколков, и вот они снова, подчиняясь волшебству, собрались воедино...

Из этого детского восприятия потом родится целое научное кредо — в противовес просвещенческим парадигмам, утверждающим, что природа не делает скачков, что она целостна и непрерывна, а у всякого следствия есть рационально объясняемая причина.

Вопреки этим эволюционистско-детерминистским взглядам Флоренский начнет исповедовать идеи прерывности, аритмологии, некоторой даже алогичности бытия. Будет стремиться доказать себе и другим: мир не таков, каким его представляют современные науки; времени и пространству свойственны всевозможные аберрации; есть такие пласты существования, где реальность совершенно по-другому устроена, иначе спрессована и сконденсирована. Мы не можем дать общую картину мироздания (как издавна хотели признанные мыслители, например Гегель), а система классической философии не пригодна для того, чтобы интерпретировать феномены верно и непротиворечиво; однако люди способны приблизиться к островкам той, неизведанной доселе реальности и — при определенных условиях — «пощупать» их, поглядеть со стороны, как те устроены.

Сразу после гимназии он поступит на физико-математический факультет Московского университета, где встретит профессора Николая Бугаева, который известен не только как основатель московской философско-математической школы, но и как отец поэта-символиста Андрея Белого. С последним молодой Флоренский будет лично общаться и переписываться. У Бугаева-старшего он почерпнет интерес к предмету. Далее возьмет на себя инициативу открытия в университете математического кружка, где придутся ко двору теории Георга Кантора, Бернхарда Римана, Николая Лобачевского и Льюиса Кэрролла, да-да, того самого, который ввел многих из нас, когда мы

были детьми, в свое сказочное Зазеркалье.

Профессиональным математиком Павел Флоренский не станет, хотя и подготовит несколько интересных работ («Мнимости в геометрии», «О типах возрастания» и другие), причем написанных не языком формул и функций. «Мнимости...», к слову, напечатают гораздо позже, в 1922-м, с обложкой Владимира Фаворского, самой по себе являющейся произведением издательского искусства. Основная мысль данных трудов такова: в математике, а равно в любой другой теоретической дисциплине, нет ничего такого, что не могло бы присутствовать в реальном, предметном бытии. «Возьмем не-

кое тело и разгоним его до скорости, превышающей скорость света. Во что оно превратится? В идею! И уйдет в потусторонний мир. И станет тем, что в математике обозначается как мнимое число», — так или примерно так рассуждал вре-

Это был большой ученый, который, куда бы ни попадал, обязательно что-то познавал вновь: вечную мерзлоту, свойства веществ, экстрактов...

П. Флоренский (справа) с семьей. 1932

мениами мыслитель. Когда он рассказывал подобное специалистам в области точных наук, те глубоко задумывались, а потом говорили, что означенные выводы граничат с безумием. Оно, это «безумие», составляло, надо полагать, основу, духовно-интеллектуальный стержень его гения.

Мир, по Флоренскому, можно уподобить кочану капусты (на это еще в 1970-е обратил внимание Сергей Хоружий). Снимая слой за слоем, мы пробуемся к его первофеноменам. Таковыми, по мысли философа, являются слово и образ, имя и икона. С этими символическими реальностями он и будет интенсивно, плодотворно работать.

Взгляните на икону с ее обратной перспективой, где фокус расположен не на линии горизонта, а в той точке, в которой находится зритель. Ключевые изображения по мере приближения к горизонту не сужаются, но, наоборот, расширяются. Напрестольное Евангелие, Трон, уготованный Спасителю, лик некоего святого, силуэт Божией Матери, положенной во гроб, — зачем здесь обратная перспектива, какую функцию она несет? А затем, чтобы ее линии как бы сходились в точке вашего взгляда, приглашая каждого войти через этот «портал» в священное пространство, стать участником величайших, сакральных событий. Все эти вещи Флоренский детально, очень подробно осмыслит уже в 1910–1920-е (прежде всего в «Иконостасе» и «Обратной перспективе»).

А по окончании университета он поступает в Московскую духовную академию. Так начинается новый этап его личного и творческого становления. Годы учебы там проходят на фоне событий Первой русской революции. Эти процессы в той или иной степени захватили тогда весь российский образованный класс. Когда Флоренский произносит — в академической церкви — свою проповедь «Вопль крови», посвященную расстрелу

лейтенанта Шмидта, его сажают в тюрьму, и за это время он заполняет математическими формулами всю подвернувшуюся под руку писчую бумагу.

Завершив учебу в академии и блестяще защитив магистерскую диссертацию («Столп и утверждение истины» — одна из самых глубоких, наиболее весомых его работ), священнический сан будущий подвижник принимает не сразу. Долгое время мечтает о монашестве, видит свой идеал в духовном братстве, воспетом в «Столпе...». Наконец в 1910-м женится на сестре своего друга Василия Гиацинтова — Анне Михайловне.

Годом ранее выходит сборник под говорящим названием «Вехи», ознаменовавший своего рода поворот части русской интеллигенции к православию, духовным ценностям народа, национальным традициям. Флоренский в его подготовке не участвует. Но чрезвычайно показательные «Общечеловеческие корни идеализма» (пробная академическая лекция, 1909) основаны, по сути, на тех же идеях, что и «Вехи»: нужно обратиться к народному миросозерцанию, увидеть, чем духовно питается нация, понять, во что же она на самом деле верит, прислушаться к ее речи, постигнуть сокровенные смыслы поговорок и частушек:

«Народ живет цельною, содержательною жизнью. Как нет тут непроницаемости, непроходимой стены из «вежливости» между отдельными личностями, так и с природою крестьянин живет одною жизнью, как сын с матерью, и эти отношения его к природе то любовны, нежны и проникновенны, то — исполнены странной жути, смятенья и ужаса, порою же властны и своевольны. То подчиняясь природе, то подчиняя ее сам или же сожительство ей, как равный равной, он, однако, всегда открытыми глазами смотрит на всю тварь, дышит с нею одним воздухом, греется одним солнышком. Это не сантиментальное воздыхание по природе. Нет, это на деле жизнь с нею — жизнь, в которой столько черной работы и житейской грубости и которая тем не менее в глубине своей всегда носит сосредоточенность и подлинную любовь. И потому даже будничная жизнь средних людей проникнута каким-то непередаваемым трепетом поэзии и сердечности». Далее он пишет о том, что «вся природа одушевлена, вся жива, в целом

и в частях; все связано тайными узами между собою, все дышит вместе друг с другом».

Здесь нетрудно увидеть то самое всеединство, о коем говорил Владимир Соловьев. Вторая часть «Общечеловеческих корней...» созвучна идеям набравшего силу имяславческого движения. Автор пытается проникнуть в суть феномена имени как такового. При этом решительно заявляет: «Человек без имени не человек, ему не хватает самого существенного. «С именем — Иван, без имени — болван». «Без имени ребенок — чертенок», — гласит народная мудрость.

Имя — материализация, ступок богатых или оккультных сил, мистический корень, которым человек связан с иными мирами. И поэтому имя — самый больной, самый чувствительный член человека. Но — мало этого. Имя есть сама мистическая личность человека, его трансцендентальный субъект.

По сути, аналогичное значение этот самый филологичный философ придает и слову в целом. Оно для него отнюдь не только языковая единица и уж тем более не просто набор букв и звуков.

Флоренский охотно передает свои мысли — в них нетрудно отыскать следы платонизма, пантеизма, старинного русского фольклора, народных верований, дошедших до нас с дохристианских времен, и даже оккультизма — честным отцам в духовной академии. Ректора, епископа Феодора (Поздеевского), по этому поводу корили: «Что же вы Флоренского-то у себя держите, он же еретик». На что владыка отвечал: «Но это почти единственный верующий человек во всей Академии!». И, судя по всему, это было недалеко от истины.

Рационализм, позитивизм, атеизм, как тот хрестоматийный призрак, бродили по Европе и России вот уже много десятилетий, захватывая, покоряя умы образованных людей — политиков и военных, артистов и художников, писателей и ученых. В том числе непосредственных представителей религиозных институций. И то, что Павел Александрович фактически (скорее, чисто внешне) проделал иной путь — не от веры к «математике», а от «математики» к вере Христовой, объясняется и уникальными личными качествами — одухотворенным, чувственным разумом, и условиями его детско-юношеского воспитания-образования, ко-

Н. Симонович-Ефимова. «Портрет Павла Флоренского», 1910

торые сам он называл «семинарщиной навыворот» (то есть учили не Закону Божьему, а противоположным по духу дисциплинам).

Все это, включая его синергетический ум, позволило ему уже при новой власти вернуться к точным наукам, написать в 1924 году книгу «Диэлектрики и их техническое применение», совершить немало открытий в физике, механике, материаловедении, поработать на московском заводе «Карболит», в системе Главэлектро ВСХН. Он намекал, что может изобрести оружие, которое способно завоевать земной шар.

Если побываете в музее Флоренского в Москве, то увидите там самые разные приборы для лабораторных опытов, услышите от экскурсовода о том, что порядка 130 статей написал Павел Александрович для советской

«Технической энциклопедии», трудясь в различных исследовательских и производственных организациях.

Это был большой ученый, который, куда бы ни попадал (например, в ссылку на Сковородинскую мерзлотную станцию в 1934-м), обязательно что-то познавал вновь: вечную мерзлоту, свойства веществ, экстрактов (изобрел, в частности, «умный йод», стимулирующий мозговую деятельность, предохраняющий от разных болезней, продающийся и поныне в наших аптеках). Изучал быт оленеводов-орочононов и написал в результате поэму «Оро» — своего рода литературное завещание сыну.

Это был человек, который в любой ситуации, располагая ли возможностями для научной работы или будучи начисто лишенным таковых, относился к окружаю-

щей природе, как к книге, где можно бесконечно вычитывать самые разные тайны. Многие современники, не сговариваясь, называли его гением, Русским Леонардо.

В конце 1937-го он был вывезен из Соловецкого лагеря особого назначения и расстрелян 8 декабря под Ленинградом, в Токсово. Пятнадцатью годами ранее ему, как и многим другим философам-идеалистам, как будто представлялась возможность покинуть Советскую Россию, однако воспользоваться этим шансом ему было не суждено.

В наши дни, наверное, есть соблазн порассуждать, задаться «праздным» вопросом: а как этот выдающийся философ и ученый воспринял бы те реальности (он ведь так много размышлял об «иных реальностях»), к коим мы в XXI веке вплотную приблизились, «пристыковались». Скажем, всем знакомую виртуальную, находящуюся «по ту сторону» зеркала дисплея? Как бы отреагировал на подтверждение существования черных дыр с их возможными искривлениями пространства и времени?..

Как тогда, в годы жизни Русского Леонардо, так и сейчас люди, считающие себя мыслящими, образованными, условно делятся на две категории. Одни заявляют, что Бога нет; человек — венец природы; он развивает науку и технику, организует, упорядочивает окружающее пространство, придумывает новые слова, находит свежие символы, формулы.

Другие верят, что Бог дает нам абсолютно все, в том числе и возможность сомневаться в Его Промысле. А главное, в большинстве своем понимают — кто смутно, а кто и предметно-философски, — что «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Едва ли нужно уточнять, на чьей стороне и почему находился Павел Александрович Флоренский.

Алекстро-Невская лавра

СИМВОЛ ВЕРЫ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

СВЯТОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ

Валерий Шамбаров

Когда говорят о св. Александре Невском (день памяти — 12 сентября), вспоминают, как правило, ратные свершения, победы над шведами на Неве или над крестоносцами на Чудском озере. Хотя это лишь один преодоленный им рубеж на многотрудной, чрезвычайно опасной стезе служения стране, народу, Богу. К такому служению он готовил себя с детства. Много времени проводил в храме. Подолгу застывал над книгой — Псалтирью или Евангелием. Замирал, глядя в окно и не замечая суеты окружающих. Мечтал отправиться в паломничество на Святую землю. Его считали человеком не от мира сего, а родитель в свое время опасался, что княжич пострижется в монахи.

ПОБЕДЫ благоверного князя были достигнуты не только его воинским искусством, но и упованием на Господа — когда он, к примеру, с малой дружиной и горсткой добровольцев ринулся на большую шведскую армию. Крупный военный и политический успех обеспечило ему христианское прощение новгородцев, предавших и изгнавших своего князя. Решающую роль в истории сыграло сплочение всех русских сил, когда против крестоносцев Александр Ярославич собрал в Новгороде владимирские, суздальские, переславские дружины, отряды из Мурома, Смоленска, Полоцка, освобожденных псковичей.

О князе растекалась молва по разным странам. Даже его имя наводило ужас на врагов. Литовские племена, повадившиеся грабить Русь, обращались в бегство, услышав о его прибли-

жении. Громкая слава не возгордилась Александра. Наоборот, помогала ему в дальнейшем духовном восхождении.

Русь была опустошена татаро-монгольским нашествием. Возникла чуждая ей колоссальная империя от Тихого океана до Дуная. В поволжских и причерноморских степях хан Батый образовал собственный удел, Золотую Орду. Русским пришлось покориться, платить дань. Отец Александра, Ярослав Всеволодович, поехал на поклон в далекую монгольскую столицу, Каракорум, и вскоре погиб, оклеветанный и отравленный. Среди князей начались склоки. Вот тут-то и пригодился высочайший авторитет, приобретенный св. Александром Невским на полях брани. Ему был уготован второй — после великого ратного — подвиг: уберечь Северную Русь от распада и хаоса, куда уже катилась Южная. Бескорыстно и безропотно уступил он великое княжение старшему в роду, ничем доселе не проявившему себя дяде Святославу, отдал собственные владения, которые тот потребовал. Батый не интересовал мелочный и жадный Святослав. Он вызвал к себе Александра.

Третий его подвиг был, наверное, самым трудным, ибо связан с глубочайшим духовным смирением. («Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены». — Рим.13:1). Князь встал на колени перед ханом. Поклонился до земли — Батый, но не идолам и прочим языческим «святыням», невзирая на угрозы жрецов и шаманов. Объяснил: «Царь, я поклоняюсь тебе, потому что Бог почтил тебя царством, но твари не стану поклоняться» — это противно христианской вере. После беседы Батый еще больше уважал Невского, пришел к выводу: «Правду мне говорили, что нет князя, равного ему».

Четвертый (по счету, а не по значению) подвиг св. Александра —

сбережение православной веры. Бедствиями нашей страны премного интересовался римский папа. Иннокентий IV засылал высокопоставленных эмиссаров, манил князей заключить союз, обещал избавить их от ордынской неволи. Ценой освобождения от материального рабства должно было стать рабство духовное, православную церковь папа хотел подчинить Риму.

На Руси на тот момент было два политических столпа, два выдающихся военачальника и правителя — св. Александр Невский и Даниил Галицкий. Первый отчетливо видел истинную подоплеку римской дипломатии: стремление стравить Русь с Ордой, отвлечь татар от походов в Европу. Ответил Риму без ненависти, с юмором: «От Адама до потопа, от потопа до разделения языков, от разделения языков до

начала Авраама, от Авраама до прохождения Израиля сквозь Красное море, от исхода сынов Израилевых до смерти царя Давида, от начала царства Соломона до Августа царя, от начала Августа и до Христова Рождества, от Рождества Христова до Страдания и Воскресения Господня, от Воскресения Его и до Восшествия на небеса, от Восшествия на небеса до царства Константинова, от начала царства Константинова до первого собора, от первого собора до седьмого все хорошо ведаем, а от вас учения не принимаем».

Даниил Галицкий, напротив, заключил союз, признал папу «своим отцом» и за это получил от него корону и титул «короля Руси». В результате глава католиков объявил крестовый поход против татар и... русских. Тот начался в 1253 году при участии весьма характерной коалиции. На одном фланге ливон-

Г. СЕМИРАДСКИЙ. «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ ПРИНИМАЕТ ПОДАРОК ОТ БАТЫЯ», 1876

ские крестоносцы пытались захватить Псков. На другом — Даниил Галицкий с литовцами с воодушевлением «освобождали» Киев. Однако «союзники» тем временем принялись разорять его, Даниила, собственные города. В целом же история однозначно показала, кто из князей прав.

Юго-Западная Русь превратилась в сплошной театр боевых действий, куда приходили то татарские, то литовские, польские, венгерские рати. Некогда процветавший край пришел в полный упадок, и западные соседи поделали его между собой. А после согласия Даниила передаться под эгиду латинян на северо-восток уехал митрополит всея Руси святитель Кирилл. Вслед за ним переместился и духовный центр нашей страны, обозначив сердце будущей России. То была награда за выбор, сделанный св. Александром Невским.

Пятым подвигом, очередной ступенью его восхождения, стало достижение национальной терпимости, готовности уважать чужие традиции — без отказа от родных, исконных. Князь сумел наладить относительно приемлемые отношения с Батыем, надолго избавив свои владения от бесчинств баскаков и карательных экспедиций. С наследником хана Сартаком подружился и даже побратался по монгольскому обычаю. Известно, что Сартак был христианином. Некоторые исследователи полагают, что он принял крещение под влиянием названного брата.

В 1256-м Батый умер, и в Орде произошел переворот. Организовала его группировка хорезмийских купцов, угнездившаяся в Сарая. Сартака и его сына Улагчи убили, возвели на престол своего ставленника Берке, принявшего ислам. Увеличилась дань, налагавшаяся на русские земли, для этого проводились переписи населения.

Св. Александр понимал: жизни людей дороже серебра — сопротивление вызовет новое нашествие,

а противостоять Русь еще не в состоянии. Он принуждал подданных смириться, повиноваться, обеспечивая им «тишину». Мало того, смог через хана совершить важный духовный и политический шаг. Южный Переяслав пришел в запустение, и великий князь со святителем Кириллом в 1261 году добились у Берке разрешения перенести Переяславскую епархию в Сарай, и та отныне стала Сарско-Подонской. Это был шестой подвиг, указывающий на прозорливость подвижника. Духовные нити связали степные области с Северной Русью, обеспечили грядущие успехи нашей державы, когда на службу к ней потянется православное казачество.

Однако победившая купеческая группировка в Сарая настроилась на выжимание максимальных прибылей. Берке подтолкнули к набегам на Закавказье. Давали ему деньги на строительство новой столицы, Сарая-Берке. А для расплаты с кредиторами рекомендовали отдать сбор дани на откуп. В русские города понаехали откупщики с военными отрядами, откровенно грабили народ. Это вызвало бунты в Ярославле, Владимире, Суздале, Ростове, Костроме, Устюге. Разгневанный хан требовал покарать мятежников. К тому же приказал выделить русское войско для похода

да в Закавказье. Александр не стал откупаться головами восставших, не послал воинов погибать за чужие интересы. Вместо этого отправил свою армию сражаться с настоящими врагами, крестоносцами. Сам же поехал в Сарай. Один. Совершил седьмой подвиг — самопожертвование. В Орде участь послушника могла быть только одна — смерть.

Произошло чудо. Он сумел доказать, что в мятежах виноваты сами откупщики, разорявшие подданных хана. Убедил, что дань лучше собирать через русских князей. А войска посылать в Закавказье нельзя, чтобы не оголить западные границы. И все-таки Берке догадался: св. Александр ведет собственную линию. Не казнил «хитреца», но и не доверял ему впредь. Долго не отпускал от себя, почти год держал в своей ставке. Осенью 1263-го князь тяжело заболел (предполагают, что его отравили), и лишь тогда ему дозволили отбыть домой. По дороге больному стало хуже, в волжском Городце он совсем слег — и на закате короткой, 43-летней жизни исполнил юношескую мечту. Принял постриг.

Таким образом совершил следующий подвиг, уйдя к Господу смиренным схимонахом Алексием. Во Владимире в это время митрополит Кирилл совершал службу в Успенском соборе, молился о здра-

Н. ПЕРИХ «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ», 1942

вию великого князя. И вдруг был поражен видением. Перед ним стоял сам Александр. Тихий, светлый. Посмотрел на святителя и стал удаляться ввысь, растаял. Потрясенный митрополит понял, что это означает. Выйдя к людям со слезами, сказал: «Зашло солнце земли Русской!» Никто не понял этих слов, и Кирилл пояснил сквозь рыдания: «Чада мои милые, знайте, что ныне благоверный князь великий Александр преставился!» Ответом ему был единодушный вопль: «Погибаем!..»

Но солнце не зашло окончательно. Александр Ярославич продолжал опекать родную страну — уже в качестве небесного покровителя. Младший сын святого, Даниил (тоже впоследствии ставший святым), получил в наследство крошечное Московское княжество — драгоценное зерно, из которого начала вырастать великая Российская держава.

Св. Александр Невский прославился многочисленными чудесами, исцелениями, приходил на помощь потомкам в трудных обстоятельствах. В 1380 году его мощи были найдены нетленными и перенесены в новую раку. Официальная канонизация князя осуществлялась в 1547-м, при Иване Грозном. А в 1552-м, выступив в поход на Казань, царь молился возле мощей, и было явлено чудо, предвестившее победу. В 1571-м, во время нашествия крымских татар на Москву, во Владимире монахи видели: от раки будто поднялась и взмыла к небу фигура князя. Крымский хан в тот же день полу-

М. НЕСТЕРОВ «КОНЧИЛА АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ», 1900

чил ложные известия о приближении неведомых ратей и приказал своим полчищам отступить. О видении св. Александра Невского говорили и после победоносной битвы при Молодях в 1572 году. Под его покровительством находился Петр I, родившийся в один день со св. Александром. Самодержец молился ему в ходе Северной войны. Строя Санкт-Петербург, укреплял город не только бастионами и батареями. На том месте, где великий предшественник громил все того же противника, шведов, царь повелел основать духовный центр новой столицы — Александро-Невский монастырь.

В 1724-м сюда были торжественно перенесены мощи святого благоверного князя, город как бы передавался под его защиту. (Св. Александр стал небесным покровителем непобедимого, также отличавшегося строгим благочестием блистательного тезки — Суворова. Прах последнего упокоился здесь же, в Александро-Невской лавре.) С того времени ни один внешний враг не сумел взять этот город, отторгнуть у России выход к Балтике.

Помощь святого проявлялась и в других местах. После освобождения Болгарии от турецкого ига в

честь Александра Невского был построен главный собор в Софии — ведь и царь-освободитель носил это славное имя. А в 1941 году в битве за Москву Западный и Юго-Западный фронты нанесли 6 декабря, в день памяти св. Александра Невского, главный контрудар. И сокрушили страшного врага, отбросили от столицы.

Чтили, глубоко уважали великого князя и в советские времена. О нем снимали фильмы, писали романы, поэмы, научные труды. Ему посвящали живописные полотна, возводили памятники в разных городах. Его именем называли улицы и площади. Орден Александра Невского — единственная государственная награда, существовавшая (с некоторыми изменениями) и в царской, и в советской, и в демократической России. И, конечно же, в его честь по всей стране возводились и возводятся многочисленные храмы.

Народ сохранил к св. Александру такую же глубокую и теплую любовь, какой тот пользовался при жизни. Потому что и сам он некогда смог искренне, по-настоящему возлюбить ближних, заслужив тем самым право помогать им уже за порогом своего земного бытия.

Под державной рукой

Весной 1866 года было учреждено Русское историческое общество (РИО). В то время, как, впрочем, и полтора столетия спустя, патриотически настроенные граждане понимали, что надо «положить конец тем недостойным нападкам, коим в отечественной прессе подвергалась история России», — именно такая формулировка содержалась в учредительных документах вновь созданной организации. Главными задачами провозглашались сбор, обработка и распространение «материалов и документов, до отечественной истории относящихся, как хранящихся в правительственных и частных архивах и библиотеках, так равно и находящихся у частных лиц». О возникновении и становлении Общества, чья деятельность во многом связана с делами и заботами Александра III, рассказывает старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук Юлия КУДРИНА.

В ЧИСЛЕ учредителей РИО были весьма именитые люди, такие, например, как поэт, литературный критик, один из виднейших интеллектуалов своего времени князь Петр Вяземский, историк Константин Бестужев-Рюмин, автор популярных исторических сочинений барон Модест Корф, обер-прокурор Святейшего синода, министр народного просвещения граф Дмитрий Толстой, писатель Евгений Феокистов, сенатор Александр Половцов. Последний стал секретарем Общества. Насущную необходимость появления РИО в Российской империи он объяснял так: «Жаждавшему узнать свое прошлое русскому народу подносилась (прежде) только неприглядная картина слабостей и недостатков, влиявших на судьбы его; возвышенные, существенные стороны нашей государственной жизненной деятельности, создавшие великую и всем нам дорогую Россию, в литературе 60-х годов, за редкими исключениями, силою обстоятельств обходились молчанием, разрушавшим народную веру в себя и правившие им силы».

Несколько забегаая вперед, отметим: член Государственного совета Александр Половцов на должности секретаря пробыл до ноября 1878-го. После смерти князя Вяземского он был избран председателем РИО (ИРИО — в конце 1873-го Обществу было пожаловано наименование Императорского), слыл, как сказали бы в иную эпоху, «душой коллектива», а в дело издания исторических документов из собственных средств выделил 190 000 рублей. Всего же при жизни Половцова было напечатано 128 сборников.

Зимой 1867-го Общество через свой Совет обратилось к наследнику престола Александру Александровичу с просьбой о возложении им на себя обязанностей верховного покровителя. Будущий российский император Александр III зафиксировал тогда в своем дневнике: «19 февраля 1867 г. Вторник... Принял депутатов Русского исторического общества. Был между ними князь Вяземский. Они приехали просить меня быть Почетным председателем общества». А через три недели цесаревич писал: «12 марта. Вторник... Отправился в Русское историческое общество в Министерство иностранных дел. Князь Вяземский встретил меня с приветствием».

В тот день знаменитый поэт обратился к Александру Александровичу с торжественной речью: «Отечественная история нам всем родная, но для Вашего высочества она имеет еще прелесть и назидание семейной хроники. Мы все — дети великих царствований Екатерины II, Александра I, Николая I. Но Вы их прямой и законный наследник. Вам преимущественно предстоит священная обязанность, великая, но и трудная задача внести в свою очередь, с честью и пользой, имя Ваше в сию семейную царственную хронику и передать память о себе народным скрижалям».

Будущий царь-мировороец непосредственно покровительствовал или как минимум всесторонне по-

Император Александр III

Князь П. Вяземский

А. Половцов

могал великому множеству очень важных для культурного развития страны институтов и организаций: Императорскому русскому географическому, Императорскому минералогическому, Императорскому археологическому обществам, Московскому археологическому обществу любителей русских древностей, Финляндскому обществу поощрения художеств, Обществу взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, Императорской академии художеств, Московскому, Казанскому, Санкт-Петербургскому, Новороссийскому университетам, Российской академии наук, Карамзинской библиотеке.

Деятельность Александра Александровича на посту почетного председателя РИО заслуживает особого внимания. Современники Александра III оставили на этот счет немало свидетельств. Приведем лишь некоторые из них.

Историк, академик Николай Дубровин: «Никто из членов Общества не забудет, с каким вниманием и интересом относился государь ко всем чтениям, а как хорошо он сам был знаком с историей России и русского народа в главнейших проявлениях его жизни».

Профессор истории, писатель Владимир Назаревский: «Никто из царственных предшественников Александра III не занимался столько изучением русской истории, как он: в этом отношении он превзошел и Петра I, и Екатерину II. Очевидно, что из своих исторических занятий он черпал идеи, которыми он руководился в делах своего правления».

Граф Сергей Шереметев: «Заседания под гостеприимным кровом высокого председателя отличались тем своеобразным оттенком, который ложился на все, в чем участвовал лично государь. Память о заседаниях в Аничковской библиотеке остается незабвенною. Присутствие его сразу придавало всему жизнь. Непринужденно допускались рассуждения, в которых он сам прини-

мал участие со своей свойственной ему величественной скромностью, и впечатление присутствия его было чарующее. Перед ним читалась русская история... и сам он — воплощение русского царя — казался среди нас таким простым, доступным, приветливым и в то же время внушительным в своей простоте. Величавый образ его не замрет в сердцах присутствующих, как не замрет он в летописях созданного им Общества, отныне неразрывно связанного с именем мудрого царя Александра III».

Василий Ключевский (фрагмент речи памяти монарха, 1894 год):

«Наука отведет императору Александру III подобающее место не только в истории России и всей Европы, но и в русской историографии, скажет, что он одержал победу в области, где всего труднее достаются победы, победил предрассудок народов и этим способствовал их сближению, покорила общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, ободрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное сознание и сделал все это так тихо и молчаливо, что только теперь, когда его уже нет, Европа поняла, чем он был для нее...»

Помимо Дубровина и Ключевского в деятельности РИО в разные годы участвовали Сергей Соловьев, Николай Костомаров, Иван Забелин, Яков Грот, Сергей Платонов, Александр Пыпин и другие видные российские историки.

Годовые собрания Общества вплоть до кончины Александра III проходили, как правило, под его председательством. Была проведена колоссальная работа по нахождению, шлифовке и публикации документов. Вышли в свет 147 томов сборника Императорского русского исторического общества, почти половина из них посвящалась царствованию Екатерины II, Петра Великого, Анны Иоанновны, Александра I и Николая I.

Заседание Императорского русского исторического общества. 1908

По словам Николая Дубровина, эти документы «заключали в себе драгоценные материалы по русской истории, заимствованные из русских и иностранных архивов». Немалая их доля могла «появиться в печати во всей своей полноте только при покровительстве венценосца». Так было со «Сведениями по внутренней политике XVIII века, а также начала XIX столетия», «Протоколами, журналами и указами Верховного тайного совета 1731–1740 годов», «Бумагами кабинета министров Анны Иоанновны (1731–1740)», «Протоколами Конференции при Высочайшем дворе (1756–1757)», делами о декабристах и тайных обществах. Положительные резолюции монарха на ходатайства историков дали возможность российской общественности познакомиться с документами, хранившимися за семью печатями в течение многих десятилетий. Император лично содействовал в получении Обществом писем Александра I и других особ царствующего дома Фредерику Лагарпу.

К столетию со дня рождения царя Николая Павловича ИРИО выпустило юбилейный сборник «Материалы и черты к биографии Императора Николая I и к истории Его царствования». При Александре III из лондонских, парижских и иных зарубежных архивов диплома-

тические документы поступали в Россию и пополняли собой научно-исторические издания. Те рассылались по библиотекам и средним учебным заведениям, действовавшим под началом Министерства народного просвещения, Святейшего синода, Главного управления военно-учебных заведений. Лишь на подготовку и издание сборника «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными» из средств государственного казначейства было израсходовано 260 тысяч рублей. Обращает на себя внимание двухтомник «Азбучного указателя имен русских деятелей» для «Русского биографического словаря», содержащий 60 тысяч имен соотечественников, подвизавшихся на самых разных «поприщах труда и жизни».

Императорское русское историческое общество, в котором после смерти Александра Александровича обязанности почетного председателя исполнял его сын Николай II, просуществовало до всем известных событий 1917 года. Однако его многочисленные публикации служили впоследствии всем российским властям, научным коллективам и поколениям россиян, проявлявших и по сей день проявляющих интерес к национальной истории.

Русская королева ЭЛЛИНОВ

3 сентября исполняется 165 лет со дня появления на свет греческой королевы Ольги, урожденной великой княжны Российского императорского дома Романовых, супруги короля Георга I. Она прожила счастливую и одновременно трагическую жизнь, оставив по себе светлую неувядающую память. Больница «Евангелизмос» в центре Афин, построенная на личные средства, госпиталь для моряков и русское кладбище в Пирее, восстановленный античный стадион на 70 000 мест, две церкви Святой Ольги, храм Святого Константина и многое другое — плоды именно ее трудов. Греция помнит свою королеву, один из главных столичных проспектов носит ее имя.

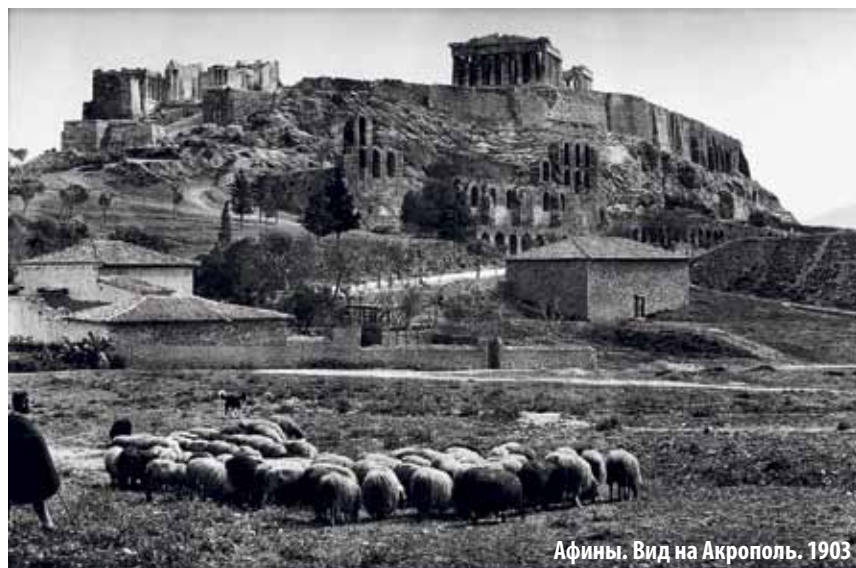
Наталья Ниссен

НА ДОЛЮ Ольги Константиновны выпало много любви и радостей, но не меньше боли, страданий и потерь: смерть двух дочерей, гибель обожаемого мужа от руки анархиста, безвременная кончина сына, кровавая российская революция и страшные расправы над родными и близкими. А еще изгнание. Из России, а потом и Греции...

И все-таки она была счастливой женщиной. Любовь — с первого взгляда и навсегда — к молодому королю Георгу, которого она 16-летней девушкой увидела впервые в Петербурге, яркой звездой озарила ее жизнь. А для российской дипломатии эта партия считалась крупным политическим успехом.

После того как в 1862 году был свергнут король Греции Оттон I из династии Виттельсбахов, державы-покровительницы наши грекам нового монарха. Кандидатура датского принца Кристиана-Вильгельма была одобрена всеми. Его сестра Дагмара (Мария Федоровна в православии) станет женой будущего российского императора Александра III, а вторая сестра Александра только что вышла замуж за наследника английского престола, принца Уэльского. Англия и Россия остались довольны выбором. В октябре 1863-го 17-летний король прибыл в Грецию и принял присягу на верность Конституции.

Через четыре года он обвенчается с Ольгой, племянницей императора Александра II, дочерью великого князя Константина Николаевича и Александры Иосифовны, принцессы Саксен-Альтенбургской. Отец новой королевы был генерал-адмиралом и всей душой обожал русский флот. С 1855 года он управлял морским ведомством и много сде-

Афины. Вид на Акрополь. 1903

лал на этом посту для моряков. При нем срок службы сократили с 25 до 10 лет, были отменены телесные наказания и введен пенсионный фонд для отставников. В 1857-м великий князь возглавил Комитет по освобождению крестьян. Он мечтал о том, что его дело по реформированию флота продолжат сыновья, но великую приязнь к морю, простым морякам и всему, что связано с кораблями, унаследовали не они, а дочь Ольга.

Свадьбу отпраздновали весело. Секретарь королевы Михаил Юрьевич Гаршин в своих воспоминаниях отмечает, что она, будучи совсем юной, «повезла с собой в Грецию детские игрушки и куклы, а вместе с ними и безграничную любовь к Родине — России».

Молодую королеву не манили балы и развлечения. «Я очень не люблю бывать в свете и предпочитаю тишину моей комнаты», — делилась она в письмах. Однако окружающая жизнь в новой стране была ей чрезвычайно интересна. Внук Ольги Константиновны, сын ее младшего сына Христофора князь Михаил Греческий сообщает о своей бабушке: «Греки ее обожали, а она их. Делала кучу добрых дел — строила больницы, богадельни, детские дома, к тому же сама в них работала. В политику никогда не лезла. Из царских привилегий

оставила себе одну: была всей Греции матерью и помощницей. На самом-то деле душа в ней всегда была русской...»

Она умела сострадать, и это чувство ее было действенным. В то время в Греции женщины содержались в тюрьмах вместе с мужчинами. Королева Ольга добилась того, чтобы им выделили отдельные помещения, а потом и вовсе сделали «особые женские места заключения». Для Афинского гарнизона на ее средства построили бани. Был введен строгий надзор над предприятиями, где до этого хозяева нещадно эксплуатировали ловцов губок. У многих случался паралич конечностей, и тогда их безжалостно выбрасывали на улицу. Для этих несчастных людей Ольга Константиновна построила приют. «Совестно жить в удобстве при виде нищеты кругом», — напишет впоследствии.

Она полюбила свою новую родину и народ, но все-таки дом оставался для нее по-прежнему в России. Тосковала по заснеженному Петербургу и милому Павловску с его зелеными просторами, где родилась, где прошло детство. «С утра до вечера думаю о вас... о России, куда меня тянет иногда до того, что больно делается», — признается королева в письме к отцу. Со слезами на глазах встречала каждый

Великий князь Константин Николаевич

Великая княжна Ольга

Великая княгиня Александра Иосифовна

русский корабль, приходивший в Пирей, поднималась на палубу, становилась на колени и целовала ее, как целуют родную землю.

Русским морякам королева оказывала особое покровительство. В пирейский порт часто заходили военные суда, направлявшиеся на Дальний Восток и обратно, а также корабли, выполнявшие различные миссии в Средиземном море. Ольга Константиновна всех брала под свое крыло. Отмечая ее «редкую простоту и поразительную доброту», офицеры проникались к ней симпатией, перераставшей в настоящую любовь и преданность. Говорили о проблемах на флоте, поверяли душевные тайны, искали совета. Королева умела выслушать, поддержать, помочь, делая это «мягко, деликатно, с глубоким пониманием человеческой души». Ходатайствовала за своих подопечных даже в Морском министерстве, за что там ее шуточно называли «Августейшей нищей».

Охотно общалась не только с офицерами, но и с матросами, которые тоже получали приглашения во дворец на чаепития и концерты. «Русский человек таков: если он чувствует, что его любят, что о нем заботятся, то он готов на все хорошее...» — утверждала она. Офицеры шутили, что матросы — ее ангелы, и даже подарили ей как-то

на Рождество большую куклу в матросском костюме с крыльями за спиной.

В своем афинском дворце королева устроила особую «Морскую комнату» — своеобразный музей самых разных даров, коих за несколько десятков лет накопилось большое количество. Ей была доро-

Ольга и Георг Греческие

га каждая мелочь: ленты с фуражек, меню обедов, устроенных экипажами в честь ее визитов на корабль, программы матросских спектаклей. Монаршая особа умела найти с этими простыми людьми общий язык, расспрашивала их о семьях, о деревнях, где те родились и выросли, о службе. Осталось ее признание: «После таких посещений у меня на душе так тепло и хорошо!»

Ольга Константиновна старалась не вмешиваться в политику, сосредоточившись на воспитании своих детей и благотворительности. Однако не оставалась в стороне от всего, что происходило в Греции, заботилась о ее интересах. «То, что я желаю, это чтобы все греческие провинции достались бы Греции, мне кажется, что это справедливо», — писала она своему отцу в период Восточного кризиса (Русско-турецкой войны 1877–1878 годов). «Милый душа папа, ради Бога умоли Государя, чтобы он сделал что-нибудь для нас. Греки с давних времен всегда надеялись на Русского царя, и Россия им всегда оказывала помощь». В 1881-м Греции были переданы Фессалия и округ Арта в Эпире. Как считает историк Ольга Соколовская, «нельзя исключать, что и активная позиция греческой королевы Ольги была известна императору и также оказала свое действие в интересах Греции». Думала она и о мировом престиже своей страны, когда выделяла собственные деньги на организацию первой возрожденной Олимпиады 1896 года.

Монархи редко бывают счастливы в семейной жизни. Ольга и Георг — исключение из этого правила. Королева очень нежно и трепетно относилась к своему мужу, ласково называла его «мой Вилли».

ДОМ РОМАНОВЫХ

У четы родилось восемь детей — три девочки и пять мальчиков. Одна из дочерей, Ольга, умерла во младенчестве.

Шло время, дети росли, а Ольга Константиновна усердно трудилась на ниве благотворительности. Взяла под свое покровительство сиротский приют для девочек. По ее предписанию были открыты медицинские курсы будущих сестер милосердия, которые она и сама стала посещать. Отдыхование находила в природе, деревенской жизни, семейной обстановке и чтении книг. Очень любила поэзию Лермонтова и даже составила сборник под названием «Изо дня в день. Извлечение из сочинений Лермонтова на каждый день». Лето семья проводила в своем загородном поместье Татое, напоминавшем Россию сочностью природы, зеленью, дворцом, похожим на Фермерский дворец в Петергофе, бронзовой статуей «Царского сокольничего» Евгения Лансере, а еще тем, что постоянно звучала русская речь. Морские офицеры с российских кораблей были самыми желанными гостями.

В 1891 году произошла беда. Умерла при родах в Ильинском принцесса Александра, вышедшая замуж за великого князя Павла

Порт Пирей. Королева Ольга среди моряков корабля «Память Азова»

Александровича. Это была тяжелейшая утрата для Ольги и Георга, обожавших свою дочь. Королева построила в Пирее госпиталь, посвященный ее памяти. Он предназначался заболевшим русским морякам, и персонал его состоял из русских врачей и медсестер. Госпиталь обслуживал и простых греков — 100 000 человек обращались туда ежедневно за помощью. Королева просила, чтобы о тяжелобольных ей докладывали по телефону, и если дело принимало плохой оборот, «даже ночью немедленно ехала в Пирей». На маленьком кладбище,

устроенном ее трудами, хоронили умерших матросов, клали им в гроб щепотку русской земли. На личные средства она заказывала и мраморные надгробные плиты.

Ольга Константиновна шефствовала над двумя флотскими экипажами (их члены носили на погонах букву «О» с короной) — к этой обязанности она относилась очень серьезно и с гордостью. Когда береговые экипажи отменили, император Николай II предложил ей покровительствовать одному из гвардейских кавалерийских полков, на что был ответ: шефство над каждым русским полком — это счастье, но ей было бы приятнее стать шефом «хоть самой маленькой, но морской шлюпки, чтобы не порывать связи с родным флотом». Император сделал ей сюрприз — шефство над крейсером «Адмирал Макаров». «Это был один из самых счастливых дней моей жизни», — вспоминала королева. Она выделила крейсеру 10 000 рублей и учредила специальный капитал, проценты с которого шли на пособия матросам, получившим увечья на службе, материальную помощь уходившим в запас. Благодарные моряки называли ее Матушкой Русского флота.

Каждый год она приезжала в Россию, где находила для себя множество дел. В 1908-м возглавила комитет для сбора пожертвований на

постройку храма, посвященного морякам, погибшим в Русско-японскую войну. 28 мая 1910-го состоялась закладка храма Спаса на Водах на берегу Невы, около верфей Нового Адмиралтейства. На этой церемонии Ольга Константиновна положила в землю солдатский Георгиевский крест.

Королева хотела, чтобы и в Греции помнили русских моряков. Заботилась о памятнике, установленном в их честь на острове Сфактрия.

Во время Балканских войн занималась организацией походных госпиталей и перевязочных пунктов. В марте 1913 года был убит в Салониках король Георг I. Ольга Константиновна в момент покушения находилась на борту госпитального судна, перевозившего раненых из Эпира в Афины. Горе ее было безмерно. Многие вспоминали, что «она невероятно страдала». После гибели мужа королева эллинов уехала в Россию.

В 1914-м началась Великая война. Вместе с братом Дмитрием королева Ольга открывает в Стрельне лазарет. Осенью будет смертельно ранен ее племянник Олег. Его отец Константин Константинович, поэт, писавший под псевдонимом К.Р., не смог пережить гибели сына. В июне 1915-го великий князь скончался. Эта смерть стала для нее тяжелейшим ударом. «Как же я буду жить без Кости???» — вопрошала Ольга Константиновна в дневнике. Их связывала глубокая духовная близость. Именно она некогда благословила его на творчество, сказав: «Ты будешь поэтом».

Революционные события безжалостно разрушили прежнюю жизнь. Арестовали и увезли царя с царицей и детьми — никто не знал, куда. Ольге Константиновне разрешили с ними проститься. Это была их последняя встреча. Глядя на «хаос беснования», творившийся в Петрограде, королева вынесла приговор: «Забыли о законах Божьих, попранных революцией: на них росла и крепла русская земля, в православии народ черпал силы и совершал великие подвиги».

Говорили, что она уступила, наконец, настоятельным просьбам близких и друзей. В мае 1918-го уехала с датским поездом Красного Креста в Швейцарию: серьезный недуг постиг ее старшего сына Константина, находившегося там в изгнании.

В октябре 1920-го Ольга Константиновна вновь оказалась в Греции. На этот раз смертельно заболел внук — король Александр. Увы, она уже не застала его в живых. На похоронах молодого монарха народ увидел обожаемую им королеву Ольгу. Солдатские оцепления не могли сдержать стремившихся прорваться к ней, дабы выразить сострадание и радость от того, что они снова видят ее. Затем были объявлены выборы, и народ проголосовал за монархистов, ратовавших за возвращение короля в Грецию. До его приезда Ольга Константиновна была объявлена главой государства с титулом «Королева-мать и Правительница». В течение одного месяца, до декабря 1920 года, она занималась

Ф. ДЕ ЛАСЛО. «ПОРТРЕТ КОРОЛЕВЫ ОЛЬГИ», 1914

государственными делами. Благодаря ее хлопотам греческие власти дали разрешение на прием русских беженцев из Крыма — тех, кто покидал Россию с бароном Врангелем. Она по-прежнему занималась благотворительностью, хотя делать это становилось все сложнее, ведь королева осталась почти без средств. Когда греческое правительство попросило ее принять 200 000 драхм за период регентства — сначала отказалась, но потом дала согласие: на эти деньги можно было помогать несчастным изгнанникам.

После малоазиатской катастрофы декабря 1923-го и очередных выборов Грецию провозгласили республикой, а королевскую семью изгнали из страны. Ольга Константиновна потеряла и вторую родину. «Как сердце мое болит... все, все прошло безвозвратно...» — признавалась в дневнике.

Она умерла 19 июня 1926 года в Риме и была похоронена во Флоренции. Но в Грецию все-таки вернулась. Ее прах перенесли из Италии и погребли на королевском кладбище в Татое в 1936-м, когда внук, Георг II, стал (во второй раз) греческим королем.

Среди густого хвойного леса, где весело щебечут птицы и солнечные лучи тонкими золотыми нитями ложатся на деревья, устремленные ввысь, обрела она вечный покой. Надпись на ее саркофаге — цитата из 138-го псалма: «Но и тьма не затмит от Тебя, и ночь светла, как день».

Убийство короля Георга I. 1913

Своя земля

Пароход «Челюскин» во льдах. 1933

Красный Колумб

Валерий Бурт

Отто Шмидт, чье 125-летие отмечается 30 сентября, был невероятно многогранной личностью: географ, математик, астроном, философ, историк науки, Герой Советского Союза, орденноносец, неутомимый исследователь Арктики, знаменитый полярник... Его фамилия отражена в названиях ледокола и мыса на побережье Чукотского моря, острова в архипелаге Северная Земля и подледной равнины в Восточной Антарктиде, вершины и перевала на Памире, не говоря уже о топонимике меньших масштабов. Сейчас звучит несколько забавно, но благодаря этому человеку возникли новые имена: Оюшминальд(а) (Отто Юльевич Шмидт на льдине), Лагшминальд(а) (Лагерь Шмидта на льдине) и Лагшмивар(а) (Лагерь Шмидта в Арктике).

От Памира к Арктике

В юности он мечтал стать «директором Сахары», а впоследствии на сей счет вспоминал: «Я был убежден, что надо ее изучить, в нужных местах найти воду. Много, очень много воды... Я превращу всю пустыню в цветущий сад и завоюю славу...»

Славу действительно снискал, однако не в жаркой африканской пустыне, а в холодной Арктике. Но сначала Шмидт отправился на Памир. Это было в 1928 году. Исследователи впервые пересекли ледник Федченко, покорили две шеститысячные вершины, нанесли на карту участки, куда ранее не ступала нога человека.

Спустя год стал руководителем другой экспедиции — на Землю Франца-Иосифа. Там намеревались установить постоянную метеостанцию, чтобы сделать более точными метеорологические прогнозы. Это позволяло контролировать ледовую обстановку, облегчить судоходство на Севере.

Полярники высадились с ледокола «Георгий Седов» в бухте Тихой острова Гукера. Под грохот ружейного салюта в небо взвился алый стяг Страны Советов. Глава экспедиции торжественно объявил архипелаг территорией СССР. Впрочем, еще в 1914-м исследователь Исхак Ислямов поднял здесь флаг Российской империи.

Шмидт загорелся идеей пройти Северным морским путем за одну навигацию. В 1932-м в рамках Международного полярного года на ледоколе «Сибиряков» он с экспедицией отправился из Архангельска во Владивосток. Путь, на который шведский географ Адольф Норденшельд затратил два года, советские исследователи одолели за два месяца. Отныне по этой трассе было налажено постоянное сообщение. Возникло Главное управление Северного морского пути — Главсевморпуть. Его возглавил Отто Юльевич.

«Это республика! Это народ!»

Став большим начальником, он не превратился в кабинетного руководителя. Жажда исследований вскоре бросает в новое путешествие. На пароходе «Челюскин», сошедшем с верфей Дании, многочисленная экспедиция под его началом опять идет по Северному морскому пути. На корабле — не только ученые, моряки, но и женщины, дети. Шмидт даже взял на борт поэта — Илью Сельвинского. Интересно, что среди участников похода была жена Отто Юльевича, Александра Горская. Впоследствии ее наградили орденом Красной Звезды.

С капитаном ледокола «Ермак» В. Ворониным. 1938

Группа летчиков Н. Каманина в лагере челюскинцев. 1934

Это был тяжелый и опасный рейд. Пароход упорно двигался вперед, льды все плотнее обступали его и в конце концов сковали. Вызванный на помощь ледорез «Федор Литке» пробиться к нему не смог. 13 февраля 1934 года в Беринговом проливе, спустя семь месяцев после начала плавания, корпус корабля не выдержал напора льдов, в пробоины хлынула вода. В авральном порядке начались разгрузка и спасение экипажа. Последними с «Челюскина» сошли Шмидт, командир корабля

Владимир Воронин и завхоз экспедиции Борис Могилевич...

Пароход затонул. На огромную льдину высадились более ста человек, в том числе грудной ребенок, родившийся во время похода. В лагере Шмидта им предстояло провести два месяца.

Сельвинский писал:

*Если б во льдах очутился один,
Он бы сошел с ума. Если б двое,
Они поселили б от мрака и воя
В диком безлюдье*

полярных льдин.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Торжественная встреча челюскинцев.
Москва. 19 июня 1934 года

Но сто человек
на плавучей льдине —
Это республика! Это народ!

Герой ледовой драмы

Несмотря на постоянные риски — ветры, мороз, трещины, торосы, полярники вели научные наблюдения. Руководитель старался поддержать моральный дух людей: в свободное время, используя свою громадную эрудицию, рассказывал им обо всем на свете — от истории Южной Америки до теории психоанализа Фрейда. «Что бы сделал англичанин на месте Шмидта? — говорил бывший премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж советскому послу Ивану Майскому. — Ну, конечно, для поддержания духа сотоварищей он нагрузил бы их работой. Занял бы спортом, охотой... Но читать лекции по философии! До этого мог додуматься только русский!»

К челюскинцам было приковано внимание всего мира. Каждый день на первых полосах газет пуб-

ликовались сообщения из лагеря Шмидта. На спасение экипажа «Челюскина» мобилизовали лучших летчиков и самые передовые на тот период технические средства. Эвакуация прошла успешно. В Москве десятки тысяч советских граждан восторженно встречали храбрецов, вырвавшихся из ледового плена.

«Что вы за страна! — поражался писатель Бернард Шоу. — Полярную трагедию вы превратили в национальное торжество. На роль главного героя ледовой драмы нашли настоящего Деда Мороза с большой бородой. Борода Шмидта завоевала вам тысячи новых друзей».

Длительное пребывание на льдине натолкнуло Отто Юльевича на мысль устроить дрейфующую станцию. Она возникла 21 мая 1937 года в самом сердце океана и получила название «Северный полюс-1».

В качестве последнего большого путешествия Шмидта, которого западная пресса называла Красным Колумбом, послужил рейд из Ле-

нинграда во Владивосток нескольких военных кораблей, не приспособленных для плавания во льдах. Несмотря на сложную обстановку и густые туманы, караван благополучно прошел весь маршрут.

Он изведаль мальстремы и мель

Известно, что этот незаурядный человек интересовался поэзией. Возможно, был знаком с творчеством Николая Гумилева. У последнего есть стихотворение «Капитаны», строки из коего напоминают облик Шмидта:

*На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал
и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.*

*Быстрокрылых ведут
капитаны,
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведаль мальстремы
и мель.*

*Чья не пылью затерянных
хартий —
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой
на разорванной карте
Отмечает
свой дерзостный путь...*

В конце тридцатых годов Отто Юльевич сменил поле деятельности. Почему это произошло? Вероятно, причиной стали интриги против него и, как следствие, возникшая настороженность партийного и государственного руководства. Ученый возглавил созданный им же Институт теоретической геофизики. И продолжал изыскания уже в кабинетной тиши.

Упрек Сталина

Автору этих строк посчастливилось быть в гостях у сына полярного исследователя — академика РАО, известного историка и краеведа Сигурда Шмидта. Его квартира в Кривоарбатском переулке Москвы напоминала музей, была битком набита книгами, портретами, памятными вещами. Многие из них принадлежали Шмидту-старшему, когда-то жившему здесь.

Сигурд Оттович часто вспоминал отца. Однажды поведал, как в марте 1938-го того пригласили на прием в Кремль. Отмечали возвращение полярников во главе с Иваном Папаниным с дрейфующей станции «Северный полюс-1». Точнее, их спасение со льдины...

Шмидту было позволено взять с собой сыновей, Владимира и Сигурда. Гремела музыка, столы ломились от яств. Вокруг толпились знаменитости. Кто-то беззаботно веселился, но немало было и тех, кого, судя по всему, тяготили невеселые мысли. Серьезная угроза, казалось, нависла и над Шмидтом. На банкете Сталин прилюдно упрекнул его в промедлении с организацией спасения папанинцев: «А мы говорили: нет уж, начинайте сейчас... Товарищ Шмидт, у вас ле-

О. Шмидт.
1934

ФОТО: РИА НОВОСТИ

доколы застряли на Севере, там, где им застревать не следовало!» Явно сгущались тучи. Но, к счастью, все обошлось.

По мнению Сигурда Оттовича, Сталин понимал: отец для него не опасен, ибо никогда не был в оппозиции. Не потому, что боялся, просто ему эта сфера была совершенно не интересна. Шмидт являлся подлинным ученым, исследователем, организатором науки и политиком не увлекался.

«В Главсевморпути массовые аресты начались в 1937-м. Шмидта обвиняли в том, что он не только препятствовал разоблачению «вредительских элементов», но даже покровительствовал им,

представлял к наградам, — рассказывал сын. — От руководства ведомством его освободили в декабре 1938-го, предложив стать первым вице-президентом Академии наук СССР. Но вскоре отец был снят и с этого поста и сосредоточился на научной работе. Лишь в последние годы жизни, когда он был уже тяжело болен, его имя вновь оказалось на слуху».

По словам Шмидта-младшего, уход из Академии не огорчил отца, а, наоборот, принес ему удовлетворение. Теперь он мог наконец заняться наукой. Отто Юльевич создал ряд работ по высшей алгебре, теории групп. Именно в эти годы сформулировал свою известную космогоническую теорию образования Земли и планет в результате конденсации околосолнечного газово-пылевого облака. Данные темы он начал разрабатывать еще в начале 1920-х. Тогда же написал труд о магнитной аномалии и высказал первые геологические идеи, связанные с происхождением Земли.

...Когда Шмидта провожали в последний путь, над полярными станциями взвились траурные красно-черные флаги. Гудели сирены кораблей ледового флота. Их великая трасса была проложена во многом благодаря усилиям бесстрашного и неутомимого русского исследователя.

Научно-исследовательское
судно «Отто Шмидт». 2011

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Гвардия не сдаётся

Николай Зверев

Ровно 75 лет назад, в сентябре 1941-го, в стране возродилась гвардия (та самая, которую мы знаем прежде всего по обретшим новые смыслы георгиевским лентам). В 1942-м появились боевые ордена с именами русских полководцев, в РККА упразднили институт комиссаров, позднее вернули погоны. Советское руководство осознавало: победить могущественного врага можно, лишь придав столкновению дух истинно отечественной, всенародной борьбы. Требовалось перекинуть мостик к тому, что после Октябрьской революции именовалось «старорежимностью».

ЧТО ТАКОЕ гвардия при Романовых? Как будто ясно: лучшие из лучших. За два столетия они успели показать себя не только галантными кавалерами императриц — примерно отметились и на полях брани. Долгое время офицерский корпус комплектовался из отпрысков знатных родов.

Для простого советского труженика 1930-х гвардия — «опора царизма». Подобное возвышение (предполагавшее форменные знаки отличия) над прочими военными, казалось

бы, априори несло в себе элемент неравенства и «преторианскую» опасность в перспективе. Тем примечательнее факт: первым гвардейским офицером в СССР стал выходец из крестьянской семьи, ровесник XX века, человек с удивительно символическим именем Иван Руссиянов.

Иваново детство прошло на Смоленщине. Семья не бедствовала, имела около шести десятин земли, лошадь, корову, гумно, избу, двор. И все же молодой человек примкнул к большевикам, сражался в Гражданскую, бил бандитов в местных лесах. После победы Советской власти женился на девушке из родного села, служил в различных частях, окончил пехотную школу комсостава РККА, позднее — Высшие армейские курсы при Академии Генштаба.

Осенью 1939-го принимал участие в освободительном походе в Западную Белоруссию. Здесь его впервые зацепило: осколок повредил руку. Подлечившись, он получил под свое начало ту самую 100-ю стрелковую, которой вскоре предстояло стать 1-й гвардейской. Дивизия впервые появилась на бумаге еще в 1923-м, но лишь в 1940-м стала кадровой.

Красивый номер — полдела. К моменту судьбоносного решения товарища Сталина соединение действительно слыло образцовым и особо отличившимся. Иван Никитич сделал упор на повышение стрелковой культуры, сформировал довольно большую по численности снайперскую команду. «Сотая» чрезвычайно героически показала себя в июне — августе 1941-го от Минска до Ельни.

В первые дни нашествия генерал-майор Руссиянов выполнял обязанности начальника Минского гарнизона. Войск было недостаточно, чтобы прикрыть целый город. Рассредоточившись на главных дорогах, они становились добычей Гудериана, пусть и

относительно не легкой. Артиллерии не хватало, с неба атаковали «юнкерсы». Вспомнив, что рассказывали друзья, прошедшие Испанию, командир приказал личному составу сдать стеклянные фляги и заполнить их горючей смесью. Параллельно был отправлен срочный приказ на Минский стеклозавод.

Журнал боевых действий, 26 июня: «В 13 часов 30 минут на командный пункт дивизии капитаном Ростовцевым была доставлена первая партия бутылок

и бензин для их наполнения, которые были направлены в 85-й и 355-й стрелковые полки».

Всего за один день на заправочные пункты «сотой» пригнали 12 грузовиков бутылок и несколько тонн горючего. Бой длился до глубокой ночи, гитлеровцы потеряли 57 танков и отошли. Успех воодушевил, из тыла подвезли пушки, на утро запланировали контрнаступление. В 5 часов ухнули артподготовкой, двинулись вперед. Гнали фрицев, пока хватило сил. Когда кончились снаряды, вновь на первый план вышли «бутылочники». Захватили штаб 25-го танкового полка вермахта и остановились. «Нам бы танков», — сокрушались красноармейцы.

Как позднее писал Руссиянов, для него лично и для его бойцов этот успех был важен с психологической точки зрения: «Поняли, что немцев можно бить».

...Через несколько дней дивизия оказалась в полукольце. Начался отход к своим: тяжелые арьергардные бои и лесные скитания. То отбивались от основной группы, то вновь присоединялись к ней батальоны, роты, взводы. Поредевшие, зачастую уже без командиров. Вышли.

Журнал боевых действий, 20 июля: «Маршал Советского Союза тов. Тимошенко... в районе Дорогобужа встретил лейтенанта тов. Хабаровова. Узнав от него, из какой части... сказал, что 100-я дивизия хорошо дралась, толково воюет ... если будет время, заедет посмотреть, как она сейчас устроилась. Передайте бойцам и командирам привет».

100-я стрелковая, получив пополнение, готовилась к Ельнинской операции. Наступление велось войсками Резервного фронта, руководимого Жуковым. 24-й армии, в нее входили бойцы Руссиянова, «предстояло встречными ударами зажать в стальные клещи гитлеровские дивизии и уничтожить их». Бои начались 9 августа, не прекращались день и ночь на протяжении месяца. Гитлеровцы держались отчаянно. Под конец в наших ротах оставалось по 10–15 человек. Руссиянов попросил Жукова доукомплектовать личный состав и придать в помощь «Катюши», о которых доселе слышал лишь краем уха. Будущий Маршал Победы согласился. В итоге две танковые, одна моторизованная и семь пехотных дивизий врага были разбиты — Ельнинский выступ срезан. Потери вермахта составили 45 000 убитыми, ранеными и пленными.

Операция, закончившаяся 8 сентября 1941 года, стала первым (!) наступлением Красной армии в Великой Отечественной. Удалось прорвать эшелонированные позиции врага, разгромить целую группировку и освободить часть территории.

18 сентября приказом наркома обороны СССР № 308 стрелковые дивизии под номерами 100, 127, 153 и 161 были переименованы в гвардейские. Им вручались особые знамена, а материальное содержание офицеров и солдат повышалось в полтора-два раза.

Указанные части, по мнению Ставки, при наступлении шли не вслепую, а после тщательной разведки и подготовки, прощупав слабые места противника и обеспечив защиту своих флангов. При ударе во фронт неприятеля не ограничивались движением вперед, но старались расширять брешь, действуя на тылы врага. Захватив территорию, будущие гвардейские закрепляли за собой отвоеванное, организуя крепкое охранение. И в обороне оставались активными: переходили в

контратаки, чтобы улучшить позиции и закалить личный состав.

В контрнаступление у стен Москвы 1-я гвардейская включилась утром 7 декабря. К вечеру ей удалось вклиниться в немецкую оборону на расстояние до 14 км. В дальнейшем Руссиянов действовал не менее успешно. До Нового года дивизия с боями прошла 160 километров, освободив вместе с 5-м Кавалерийским корпусом более 450 населенных пунктов. Были наголову разгромлены 45-я и 95-я пехотные дивизии вермахта.

Путь 1-й гвардейской всегда проходил там, где становилось особенно жарко.

РККА стахановскими темпами оснащалась техническими новинками — в 1942-м дивизия была преобразована в 1-й гвардейский механизированный корпус. Соединение расширили и укрепили танками Т-34, а вместо истребительно-противотанкового полка сформировали самоходно-артиллерийский. Корпус, превратившийся из стрелковой части в бронированный кулачище, крушил оккупантов под Сталинградом. Затем были Курская дуга и Донбасс, форсирование Днепра, освобождение Украины, взятие Будапешта и Вены. Все это время первым гвардейским комкором оставался Руссиянов.

Дважды был ранен и трижды контужен, шесть раз попадал в окружение. Вырывался — порой вместе со всем соединением, иногда разделив его на группы, но всегда — в полной генеральской форме. Этим фактом Иван Никитич гордился всю жизнь не меньше, нежели Золотой Звездой Героя Советского Союза.

24 июня 1945 года тридцать лучших бойцов-первогвардейцев прошагали по Красной площади на Параде Победы в составе сводного полка 3-го Украинского фронта. Мехкорпус, награжденный орденами Ленина и Кутузова, получил наименование «Венский» и на долгие годы прописался в ЗГВ. После смерти И.Н. Руссиянова его имя было присвоено и воинскому соединению.

Автор выражает благодарность гвардии полковникам В. Руссиянову, А. Рожкову, А. Кердикашвили, С. Хаджаметову, а также гвардии майорам Н. Тюрину и О. Лукашину за помощь в подготовке материала.

Когда поет далекий друг

ФОТО: РИА НОВОСТИ

105 лет назад, 8 октября (25 сентября по старому стилю) родился Марк Бернес. Раньше многие его почитатели, ориентируясь на ошибочные данные энциклопедий, праздновали день рождения Марка Наумовича 21 сентября. Впрочем, в том нет ничего плохого, юбилей такого человека не грех и дважды отметить.

Алексей Коленский

РУССКИЕ классики «гуляют», разбившись на пары. Пушкин — Лермонтов, Маяковский — Есенин, Мандельштам — Пастернак появляются на нашем небосводе, как Солнце и Луна, — если один скрывается с глаз, значит, другой выходит на свет, точнее, озаряет своим светом поднебесное пространство. Так и в советской эстрадной истории — сила и подлинность дарования звезды поверяются чуть запаздывающим, будто неловким сиянием вечного спутника. Говорим, например: «Утесов», держим в уме: «Бернес».

Много ли между ними общего? Черноморский балагур-экстраверт положил начало национальному шоу-бизнесу, стал непревзойденным премьером и кон-

бывшего Театра Корша Марк Нейман перерыл архив Музея революции в поисках «своего парня». Увидел фото вихрастого моряка, перепоясанного пулеметными лентами. Ничего себе! А, впрочем, жидковато: нацепил пару маузеров, на всякий случай прихватил гармонь. Пистолеты у будущей звезды постановщик Сергей Юткевич отобрал, а инструмент похвалил, попросил что-нибудь спеть. Выслушав, отверг — за день до съемок роль похудела на глазах. Уже смеркалось, когда актер вломился в квартиру второго режиссера, Павла Арманда, любившего на досуге побренчать на рояле, и за одну ночь добыл себе песню, судьбу и имя: Марк Бернес. Шел 1938-й год.

«Человек с ружьем». 1938

«Два бойца». 1943

ферансье — как в составе собственной джаз-банды, так и в масштабах всей отечественной эстрады. Сын нежинского старьевщика, степной харьковский волк, ироничный столичный денди, открыл лирическую глубину песни-исповеди, оставшись недосягаемым кумиром для благодарных наследников — Визбора и Высоцкого, Галича и Окуджавы, Мулермана и Кобзона.

Сегодня Бернес светит немногим, а прежде было наоборот: задушевного Марка (в переводе с латыни — «увядающий») осыпали цветами и дамы, и мужчины. «Я люблю тебя, жизнь» хором подпевали стадионы. «Враги сожгли родную хату» слушали стоя (люди знали: Бернес воскресил неугодный властям шедевр 1946 года). Надчеловеческим чутьем он угадывал, чего ждут граждане, кого хотят слышать, и упорно, по чуть-чуть, извлекал песенный образ — из разговоров с друзьями, бессонных ночей наедине с магнитофоном и стихотворными сборниками безвестных порой поэтов.

Как же все начиналось? Готовясь сыграть эпизодическую роль в «Человеке с ружьем», актер массовки

В решении образа озорного балтийца видны две руки — режиссерская и актерская. «Тучи над городом встали», — напевает голос за кадром. Оказывается, в казарме Путиловского завода братишка в тельняшке смазывает затвор винтовки. Лукаво, будто вальсируя, разминает мелодический рисунок то в сказовой, то в лирической интонации, а завладев вниманием Человека с ружьем, выдает стилизацию а-ля романс и конферансит: «Могу Вам, папаша, слова на память записать!» Подмигнув в сторону блистательно отсутствующего оркестра, продолжает делиться сокровенным в разговорной манере, взвизгивая с пародийным бабьим выдохом: «Приходи-жа друг-мой милый, пацалулуй миня-да в уста!»...

Спустя год в «Истребителях» Эдуарда Пенцлина поющего артиста уже ждали на главную роль. Песня «В далекий край товарищ улетает» обессмертила картину, которая, правда, так и осталась в тени музицирующего красавца-офицера.

Итак, к 28 годам Бернес добился взаимности у неприступной дамы пик — личной лирической темы. И каждой композицией доказывал, что лишь он — ее единственный преданный Орфей.

Тогда же, в 39-м, увел «Спят курганы темные» из-под носа исполнившего их в «Большой жизни» Лаврентия Масохи. По-рыцарски сдержанно поделился со страной «Темной ночью» и «Шаландами, полными кефали» (в «Двух бойцах» того же Леонида Лукова). Какая из песен больше сделала для нашей Победы — про душу солдата или та, что «за всю Одессу»? Их вклад сравним со «Вставай, страна огромная!» и «Синим платочком». В 1943-м Марк Бернес дал свой первый концерт на сцене свердловского Дома офицеров. Как знал, провидец: главные роли на экране для него закончились, а большая жизнь в искусстве только начиналась.

Был ли Бернес наследником королей городского романа или же безбожно с этим жанром флиртовал? Скорее, второе. Подобно упорному мореходу, твердой рукой он прокладывает курс сквозь эту усмиренную, но все еще пенящуюся у рифов пучину, мимо вечно молодых «Эх, Андрюш», живущих без печали, и «Сашек»,

«Истребители». 1939

ему и платили по двенадцать с половиной за концерт как «мастеру разговорного жанра». Он же тщательно подбирал не только слова, аккорды, но и костюмы, любил звать гостей, устроить так, чтоб стол ломился.

Завистливые коллеги ворчали про нелегкий характер маэстро, но тут же оговаривались: прежде всего он беспощадно требователен к себе. Бернес был рожден не сиять, а приручать таланты и слушателей. Смутно переживая этот факт, недоброжелатели обзывали любимца публики «микрофонным шептуном». На самом деле тут-то и открывался гений тембра, наш задушевный спутник, великий артист, лично равный каждой своей песне, не больше и не меньше.

Феномен Марка Наумовича — сокровенное размышление вслух, но на людях, нечеловеческая пронизательность и отзывчивость, острое понимание того, что нужно расслышать в самой бескрайней стране. Все перечисленное подразумевает безупречный вкус к деталям (в уместности звучания которых, как замечал Тургенев, раскрывается талант художника).

В песнях Бернеса — гул марширующих полков и тишина перед атакой, скорбь у родного пепелища и ве-

С актрисами Г. Милетич, Э. Быстрицкой и кинорежиссером Д. де Сантисом. 1960

что помнят «наши встречи». Орфей был осторожен, разборчив, придирчив и с первых же шагов по крупицам собирал каждый сценический образ. Ссылаясь на примеры поющих корифеев дореволюционной сцены — Давыдова и Варламова; потом ценил шансон Азнавура, Бреля и Беко, но дом свой строил сам и обживал — как съемочную площадку — сантиметр за сантиметром.

Из более чем 80 песен половина написана с его деятельным участием или под личным тоталитарным давлением — на заказ. Сверхпопулярный Бернес ни разу не почивал на лаврах, а ежедневно творил из поэтов — песенников (Ваншенкин, Долматовский, Евтушенко), а из мелодистов (Колмановский, Эшпай, Блантер) — музыкальных драматургов. При этом сам не знал нот, с большим трудом запоминал мелодии (за всю жизнь спел «с листа» лишь «Темную ночь» и последних своих «Журавлей»). Иными словами, трудился нутром, был не сердцеедом, а сердцеепытателем. Больше верил в мизер, чем в сильную карту, легко идущую в руки, —

сенный рассвет, мощная подача от первого лица («Я по свету немало хаживал», «Тут ничего бы не стояло, когда бы не было меня») и неожиданный речитатив, расширяющий образ настоящего времени, отражающий хронотоп в звучании каждого конкретного произведения.

Нередко, перекрестившись перед концертом, он исполнял первый куплет за кулисами и вместе с заново освоенной мелодией шел на свет — в переполненный зал. Плох артист, не умеющий придать своим природным недостаткам незабываемый шарм. И тут дела у Бернеса обстояли как у безголовой толпы: ни безупречного слуха, ни сценической школы. В молодости его игнорировали с первого взгляда, со второго — любили всерьез и навсегда. На пике славы не узнавали на улице, но расступались в фойе. Утесовское «песне отдал все сполна» — это и про него, только он бы так не выразился.

Просто подходил к микрофону и объявлял: «Я расскажу вам песню...»

«Полосатый рейс». 1961

И это все о нем

Николай Ирин

У Евгения Леонова (2 сентября мы отмечаем 90-летие со дня его рождения) красивая актерская судьба. Он и сейчас значимая часть нашего культурного ландшафта. Больше того — повседневного быта: включаешь телевизор в любой выходной или праздник, и там почти наверняка — Леонов.

КОЛОРИТНЫЙ сказитель «Волшебного кольца», а то и Винни собственной персоной; хитрован и предатель Мишка Снегирев из «Дела Румянцева»; донельзя положительный, чуть ли не святой Андрей Григорьевич Сарафанов, отец-одиночка в «Старшем сыне»...

Он сыграл два-три десятка главных или эпизодических ролей в так называемых «вечных фильмах», над которыми не властны годы и моды, вкусовщина и идеологические мутации. Леонов всенародно любим на протяжении многих десятилетий.

И вот парадокс: именно тот факт, что Леонов слился с отечественной природой и, пожалуй, даже подправил наш культурный код, мешает по-настоящему оценить его незаурядную

артистическую биографию. Кажется, с ним все понятно. На автомате думается: перед нами беспримесная радость и душеспасительная доброта.

На деле же «Леонов» — это большая культурная работа. Причем не только самого Евгения Павловича, но и всей российской цивилизации, отыскавшей его, выдвинувшей, отмобилизовавшей для решения вопросов национального образного строительства. Его надлежит понимать и опознавать заново. Кто он, каков, в чем заключались стоявшие перед ним задачи?

Просматривая в Сети отрывки из киноработ, то и дело натываешься на восторги: «милый», «уютный», «обаятельный», «мягкий» или даже «приятный». Однако Леонов отнюдь не прост, а его «приятность» может, в сущности, иметь оборотную сторону.

Если бы Евгений Павлович оставался в плоскости «доброты-милоты», то никогда не превратился бы в артиста, способного отвечать на те проклятые вопросы, которые ставило время.

На первый взгляд, ампула очевидно: характерный актер, склонный к гротеску комик с большим диапазоном, вплоть до регистра «сентиментальной нежности». Но кинематограф открыл в нем нечто большее. Он вроде бы идеально подходит на роль второго плана, человека толпы, статиста. В лучшем случае комического помощника — Санчо Пансы или Ламме Гудзака. Однако

«Большая перемена». 1973

Леонов очень и очень часто становится героем, протагонистом.

Эпоха титанов, цивилизационных скачков и жертв во имя великих общегосударственных целей подошла к концу. Юлий Райзман еще снимает «Коммуниста» с Евгением Урбанским, Алексей Салтыков — «Председателя» с Михаилом Ульяновым, и все же картины эти выглядят скорее как памятники героической эре, нежели как поведенческий образец. Советские люди начали разбредаться по прозаическим

«Осенний марафон». 1979

социальным нишам, принялись осваивать быт, привыкать к потребительским корзинам, устраиваться.

Психотип Леонова — как раз человек, который умеет устраиваться. В хорошем смысле этого слова. В не самом хорошем, впрочем, тоже. Евгений Павлович представляет от лица граждан, начавших погружаться в пучину повседневности. Внешне ничего доблестного: ни фигуры, ни пластики, ни порыва, ни интонаций. Уютная лысина, округлая фигура, щеки, улыбочка, хохоток.

В первой своей знаменитой киноленте, «Полосатом рейсе», он именно эту коллизию отыграет. А точнее, в комической форме предъявит упорное нежелание нового советского обывателя существовать на грани жизни и смерти, без особого смысла геройствовать.

Вместо традиционных «врагов», внешних и внутренних, здесь появляются «всего-навсего» хищные кошки, но повару Глебу Шулейкину и такая опасность кажется чрезмерной. И ведь имеет право так считать!

Советские поколения устали от социального травматизма, с готовностью ассоциировались с испуганным поваром, которого вырывает из счастливого жизненного потока нелепое стечение обстоятельств.

Итак, типичный персонаж — приспособленец. Колобок. «И от бабушки ушел, и от тигра...» Природа не наделила его пламенным взором Урбанского, железной волей ульяновского героя, ангельским ликом Смоктуновского или ефремовским конструктивным психологизмом. «Не орел», ну и ладно.

Тем не менее оказалось, что способен из раза в раз решать непосильную, на первый взгляд, задачу — этого своего приспособленца оправдывать. Порой усердствует как будто чересчур: Сарафанов в «Старшем сыне», похоже, несколько

«Старший сын». 1976

ко переутеплен. Однако почти во всех иных случаях Леонов мастерски передает сложную, весьма сложную натуру в лице мирного, осторожного мещанина.

Предъявляет двойственность: персонаж одновременно очень хороший человек и отчасти сомнительная личность. Если внимательно рассматривать роли, то можно получить удовольствие особого порядка — внезапные переходы из положительного модуса в отрицательный и обратно показаны виртуозно, тонко и неожиданно.

Авторы «Джентльмены удачи» сделали эту внутреннюю работу актера явной, словно обнажив прием: Леонов попеременно играет добродушного директора детсада и бесчеловечного уголовника. А на деле все еще сложнее: директор, педагог тоже неоднозначен, властно-грубоватые нотки в его будто бы благодушной партии периодически фоняют, настораживают, пугают.

Повторимся, на Евгении Павловиче издавна стоит «клеймо» добряка, что мешает адекватно оценивать выдающиеся открытия-метаморфозы. Массовый неосознанный человек — именно леоновское достижение, фирменная

«фишка», кредо. Изнанка такого homo sapiens из народившегося потребительского рая — его материал.

«Тридцать три» и «Слезы капали» Георгия Данелии, «Зигзаг удачи» Эльдара Рязанова не превращаются в одномерную сатиру лишь потому, что сам Леонов осознает-чувствует незыблемость и соответственно уязвимость своих персонажей, держит руку на пульсе их жизни, причудливой на глубине, но такой примитивной на социальной поверхности.

В «Осеннем марафоне» Олег Басилашвили блестяще играет рефлексирующего интеллигента. Бузыкин существует в режиме непроходящего невроза. Что есть подобное состояние? Шаг к осознанию. Человек внезапно начинает чувствовать внутреннее расщепление, конфликтует с окружающими и самим собой.

Рядом с Бузыкиным — леоновский слесарь Харитонов. Тот пребывает в режиме предневроза (или даже предпред...), тотальной неосознанности, совершенно не знает самое себя, но этим обстоятельством нимало не озабочен. Его «цельность» абсолютна. Он — отнюдь не Платон Каратаев и не

«Джентльмены удачи». 1971

Иван Африканович Дрынов из повести Василия Белова «Привычное дело». Человек нового городского уклада, не готовый его осмыслить, но способный тем не менее к нему приуровниться.

Характерен эпизод с курткой Бузыкина, преподнесенной любовницей и выброшенной на улицу женой. Эта вещь отменно символизирует внутренний конфликт главного героя. Но слесарю Харитонову найденная и зашитая куртка приходится впору, никаких проблем! Подарок судьбы, который слесарь принимает спокойно, как должное. Леонов играет невозмутимость человека, не пропускающего внутрь себя ни одной внешней проблемы, ни единого непрошеного концепта.

Авторитарно, нагло и методично он спаивает отечественного интеллигента и зарубежного интеллигента. Вся эта сюжетная линия могла превратиться в примитивную сатиру, в бесцеремонные нападки шибко грамотных кинематографистов на простака из народа. Однако за дело взялся Евгений Павлович Леонов и своего бездуховного персонажа почти полностью оправдал «в глазах общности». Харитонов приекает жизнь такой, какую она ему

Психотип Леонова — человек, который умеет устраиваться. В хорошем смысле этого слова. В не самом хорошем тоже. Евгений Павлович представляет от лица граждан, начавших погружаться в пучину повседневности

дана. Он — «живой», у него своя правда, своя душа, свое достоинство, своя скрытая до поры тайна. Это умение Леонова пометить каждую роль «надмирным» сиянием поразительно. После каждого дурного штриха — легкая оправдательная ретушь, артист словно подчищает чужое «плохое». Тут искусство предельного уровня, игра большого мастера.

Особняком стоит роль в «Большой перемене». Редкий случай: персонаж Леонова, Степан Семенович Леднев, фактически безгрешен. Эта картина — талантливая

разработка мотива «идеального человека», духовного развития и верного пути. Чрезвычайно сложная задача полностью выполнена, что доказывается неизменной востребованностью мини-сериала спустя сорок лет после первого выхода на телеэкраны.

Степан Семенович цементирует фильм, он, по сути, достиг некой «гражданской святости», понял главное и недаром бросает «школу жизни» добровольно: больше нечему учиться.

Леонову удается невозможное: пренебречь столь любезными его артистической натуре намеками на тень, не осознанную персонажем часть души. Леднев тоже всецело погружен в быт. Однако его цельность — свойство праведника, а не потребителя.

Как убедительно выговаривает этот шоферюга проявившему слабость учителю: «Нестор Петрович, это жизнь, дорога, колдобина на колдобине, ехать надо». Текст вполне заурядный, как его играть, как углубить? Для Леонова — легко. Он уже нарастил жизненный объем, обложил своего героя трудными «онтологическими» обстоятельствами, не прописанными в сценарии, но мастерски, тонко и ненавязчиво протасанными в картину исполнителем: в интонациях, пластике, красноречивом молчании.

Выглядит грандиозно, когда Леднев устраивает «товарищеский суд» над разбежавшейся семейной парой. Мы знаем, что и сам он (Степан) в одиночестве, судя по всему, драматическом. Попытка примирить молодоженов — словно урок, переплавка собственного отрицательного опыта в новый положительный. Смеется, приговаривая: «Да какой я судья, мы же все товарищи!»

Удивительно, но даже сегодня, в эпоху дремучего индивидуализма, эта ходульная, «книжная» реплика волнует. Благодаря той искренней убежденности, которой она гениально подкреплена.

Юрий Кублановский: «90-е принесли настоящую катастрофу»

Дарья Ефремова

Поэт, искусствовед, литературный критик, лауреат многих премий (в том числе Патриаршей имени Кирилла и Мефодия), он нередко комментирует политические события, говорит, что история у него «в крови», а «железную поступь Командора-времени невозможно не ощущать на собственной шкуре». «Свой» побеседовал с Юрием Кублановским о непростых уроках прошлого и настоящего, конфликтах и противоречиях в среде российской интеллигенции, о Достоевском и Бродском, современной литературе, о крахе советского государства, произошедшем четверть века назад.

СВОЙ: Юрий Михайлович, мы переживаем исторические времена?

Кублановский: Все времена по-своему исторические. Слава Богу, постисторические еще покуда не наступили. Когда-то в молодости, будучи инакомыслящим, думал: если доживу до той поры, когда коммунистическая идеология рухнет, то откажусь от оппозиционности навсегда. И вот «материализм» в России канул в Лету, но ждать, что вырастут сто культурных цветов, кажется, пока не приходится. Как говорил Солженицын, в социализм падали 70 лет,

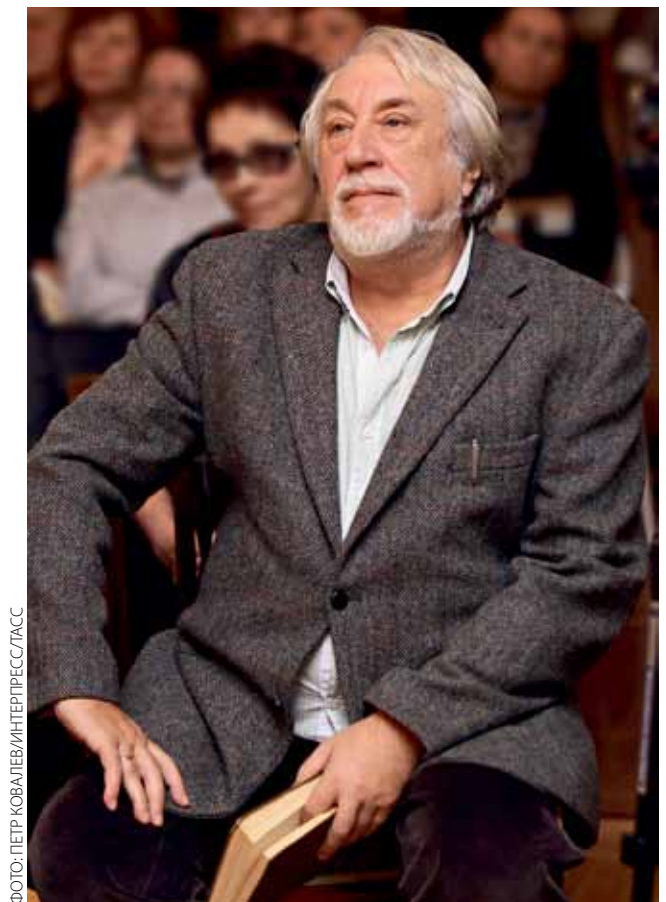
подниматься из него будем сто. Тут беда вот в чем — выход из системы оказался намного более болезненным, чем нам казалось. Мы считали, что с падением режима произойдет морально-нравственное воскрешение общества, выздоровление социума. Вместо этого 90-е принесли Великую криминальную революцию, настоящую катастрофу.

Последние годы существования Союза, время застоя действовали разлагающе на правящую верхушку и особенно на ее молодые кадры. Не случайно большинство олигархата — выходцы из комсомольской номенклатуры. Удар пришелся не только на социальную жизнь. Подобного разграбления история не знала со времен Византии, причем тогда хищничали пришельцы, а тут — свои. Но еще страшнее — моральное оскудение. Несмотря на все лицемерие коммунистической идеологии, в советских людях было много идеализма, бескорыстия, искреннего желания послужить Отечеству. И вот по этим чаяниям и надеждам ударили особенно сокрушительно — «рублем», пропагандой корысти без берегов. Теперь говорят: ну ладно, что вы все поминаете ельцинизм, «чикагских мальчиков», ведь с тех пор минуло уже столько лет, давайте обсуждать наблюдаемые сегодня изъяны. Но в том-то и дело — ноги растут оттуда, из прошлого. Помните, в «Бесах» революционер и прожектор Шигалев говорил: мы дадим право на бесчестие, и тогда все к нам перебегут. Вот тогда, в 90-е, и было дано это «право». От него все пошло.

А что касается вовлеченности в историю, так это всегда было свойственно русским литераторам. Тем более — людям моего возраста, которым довелось стать очевидцами многих драматичных событий. Ведь я помню, к примеру, день, когда умер Сталин. А если учесть восьмилетнюю эмиграцию, политические преследования до нее... Ход истории почувствовал на себе, при том, что наше поколение — те, кто родился после войны, — в известной мере «халявное»: мы по большому счету не знали ни пыток, ни голода, ни прямых угроз для жизни, ни военных лишений, ни физических испытаний, выпавших на долю наших отцов и дедов.

СВОЙ: Какого рода опытом стала для Вас эмиграция? Вы жили в Париже, потом в Мюнхене, были знакомы с Бродским...

Кублановский: Сложным, хотя и, безусловно, интересным. С Бродским сначала общались заочно. В небольшом, но авторитетном издательстве «Ардис» в Америке он выпустил мою книгу и написал послесловие. Как раз после этого КГБ поставил передо мной условие — или отъезд, или лагерь. Но все это произошло не только из-за сборника, а «по совокупности обстоятельств»: в конце 1980-х я оказался самым публикуемым поэтом «тамиздата». В журналах «Континент», «Вестник христианского движения», «Грани» выходили мои стихи. Так что, посылая стихи Бродскому, я намеренно шел ва-банк, понимал, что здесь меня

все равно уже не будут печатать, да и не позволят трудиться по моей искусствоведческой профессии. Работал дворником, сторожем, истопником в храмах Москвы и Подмосковья.

В первый же вечер, когда я приехал в Австрию, Иосиф сам мне позвонил. И первое венское жилье у меня появилось благодаря ему. А увиделись уже в Париже, когда я работал в газете «Русская мысль»: Бродский тогда проездом из Италии специально пришел познакомиться. Мы до полуночи бродили по городу, говорили обо всем на свете. Впоследствии таких встреч с глазу на глаз у нас было немного, но все они мне очень памяты. Он был старше меня всего на семь лет, однако у меня было ощущение, что мы принадлежим к разным поколениям, настолько сильно отличались питерский «центральной» еврей и волжанин из Рыбинска, агностик и православный.

СВОЙ: Бродский категорически не желал возвращаться в перестроечную Россию, говорил, что Ленинград, завешанный вывесками на ломаном английском, — не его город. А Вы вернулись...

Кублановский: Да, и никогда не считал, что совершил ошибку. А последние 10–15 лет — новый этап моей жизни. В отличие от многих коллег, в прошлом единомышленников, полагаю, что мы — свидетели медленного, но все же выздоровления российского

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

общества, восстановления своих корней, чувства государственного достоинства. Самое страшное для меня событие, случившееся после возвращения из эмиграции, — бомбардировки Белграда и Косово. Я воспринял их очень лично, как унижение моей страны, которая промолчала, не смогла прийти сербам на помощь. Ну а самый счастливый, духоподъемный момент — возвращение Крыма. Я совсем недавно оттуда вернулся, выступал в Симферополе, Севастополе. Лишний раз убедился, что, несмотря на трудности (они велики, недаром там ждут завершения строительства моста через пролив как манны небесной), все понимают: иного выхода не было и нет.

СВОЙ: *Приход новой власти в Киеве — тоже своего рода криминальная революция...*

Кублановский: Любая революция — это прежде всего социальная и психологическая одержимость. А тут еще сошлись две составляющие: идеологическая, построенная на псевдоидеалах Запада, в данном случае нелепых и неуместных, и криминальная, с олигархическим переделом. Все это опустило украинский народ в полную нищету. Как ни оценивай времена Азарова и Януковича, они были относительно благополучными по сравнению с нынешними. Любой простой украинец это чувствует на себе.

СВОЙ: *Людей жалко. Не весь же народ «заслуживает своего правительств»...*

Кублановский: Конечно. Очень остро переживаю то, что там происходит, Украина для меня родная, я там жил, работал трудником в Почаевской лавре под Тернополем, скрываясь от политических преследований. Однако моя гордость за то, что Россия вступилась за соотечественников в Крыму, резко развела меня с «либеральной» интеллигенцией. В 90-е наши расхождения только теплились, я еще мог работать, например, в редакции журнала «Новый мир», при-

верженной ельцинизму, и вполне там с коллегами уживался. Теперь же со мной порвали те, кого я знал десятки лет.

СВОЙ: *Такова цена российского либерализма. Примерно так же травили некогда Лескова.*

Кублановский: Да и Достоевского прощали лишь за то, что он был сиделец, «по инерции», пропуская мимо ушей его предупреждения, высказанные, например, в «Бесах», террористы-народовольцы искренне шли в толпе за его гробом. В целом же нетерпимость — перманентное качество либерального «участка» и всего «освободительного движения» что в XIX, что в XX, что в XXI веке. Если в совет-

В литературном творчестве практически не осталось высокого, христианского смысла. Вижу много потенциальных талантов и дарований, но ощущения того, что создается здоровая, духовно богатая литература, нет

ский период это было приглушено, то сейчас вышло на поверхность.

СВОЙ: *Что скажете про современную литературу? Она жива?*

Кублановский: Жива, но не моя. Это литература постхристианской цивилизации, в основе своей лишённая катарсиса, характерного для произведений прошлого. В тех же «Бесах» — страшная рассказывается история, но, закрывая книгу, остаешься не в подавленном состоянии. Возможно, оттого, что зло вскрыто, обнаружено и показано во всей своей метафизике. А сегодня кажется, что автор погружен в эту вселенскую дрянь и для него ничего больше не существует.

В поэзии — так же... Баратынский в свое время написал стихотворение «Последний поэт». Он уже тогда, в 1830-е, чувствовал себя таковым, ибо слышал ту подземную поступь новой, разночинной цивилизации, что погубила аристократическую культуру пушкинских времен. Я сейчас читаю немало исторических книг и поражаюсь существующим параллелям.

Пользуясь случаем, хочу сказать, что Российский фонд культуры уже не первое десятилетие осуществляет совершенно замечательный, на мой взгляд, проект, в своем роде лучший в стране — издание альманаха «Российский архив». В нем печатаются дневники, записки, мемуары русских людей из прошлого. Благодаря этому наша цивилизация видится объемно: не такой, какой она рисовалась коммунистам и коммунистами, и не той, что изображается нынешними либералами, но во всем своем колоритном богатстве. Главный редактор этого издания Алексей Налепин делает важнейшее и чрезвычайно полезное дело.

СВОЙ: *Вы тоже в какой-то мере считаете себя «последним»?*

Кублановский: В современном литературном творчестве, как мне кажется, практически не осталось высокого, христианского смысла. Вижу много потенциальных талантов и дарований, но ощущения того, что создается здоровая, духовно богатая литература, лично у меня нет. Почти перестал встречаться с литераторами, мне весьма тяжело общаться с коллегами. Живу, можно сказать, наособицу.

Хотя, впрочем, ссора, непримиримые разногласия — традиционное состояние русского человека. Взять наших соплеменников, которые массово были выдвинуты на Запад после 1917 года. Они ведь так и не смогли слиться в сплоченную диаспору. Солидарности, какая есть у евреев, армян, грузин, у нас, увы, никогда не было. Почему? Это уже другой разговор...

Чудо-остров

«Все лучшее — детям!» — это один из немногих советских лозунгов (если вообще не единственный), обретших общемировое звучание. Даже в Декларации прав ребенка, принятой в конце 1950-х Генеральной Ассамблеей ООН, записано: «Человечество обязано давать ребенку лучшее, что оно имеет».

Что же подразумевается под «лучшим»? Все то, что призвано обеспечить счастливое детство (об этом, кстати, в вышеупомянутой Декларации тоже говорится). Ну а счастье ребятишек связано прежде всего с сильными положительными эмоциями — радостными впечатлениями, приятными воспоминаниями.

Ольга Марьяновская

ГРАНДИОЗНЫЙ парк развлечений в Нагатинской пойме столицы наверняка станет со временем любимым местом отдыха великого множества детей, а также их родителей. По завершении строительства и благоустройства он получит (вернее, уже получил) название «Остров мечты» и начнет принимать ежегодно по десять миллионов человек. «Парк, — заявляют московские городские власти, — будет полностью крытым, в нем расположатся пять тематических зон: спортивная, семейная, детская, интерактивная и непосредственно парковая, где появятся скверы и искусственные озера». Открытие запланировано на 2018 год.

Идея создания подобного городка, по масштабам и привлекательности не уступающего всем известному Диснейленду, родилась не вчера. Однако приступить к ее реализации даже столь большому и сильному мегаполису, как Москва, долгие годы было крайне затруднительно. Важность и ценность этой «стройки века» велики, можно сказать, вдвойне — ведь ее первый этап совпал с очередным глобальным кризисом и далеко не самой благоприятной ситуацией в России, против которой Запад именно в этот период ввел экономические санкции.

Но едва ли те ограничения коснутся индустрии детских забав, самой универсальной и популярной на планете, наиболее «космополитичной». Не случайно в разработке основных концепций «Острова мечты», обещающего стать крупнейшим крытым парком аттракционов во всей Евразии, участвовали итальянское архитектурное бюро Land Milano (ландшафтный

Член совета директоров ГК «Регионы» А. Муцoв и мэр Москвы С. Собянин

дизайн окружающих территорий) и международное бюро архитекторов и инженеров Charman Taylor.

Не откажутся от сотрудничества с «Островом» и известные кинокомпании, специализирующиеся на производстве всевозможных «смурфиков», «ниндзя-черепашек», прочих монстров и монстриков — уже сейчас подписаны договоры с IMPS S.A., Viacom International Media Networks, Sony Pictures Consumer Products. Герои зарубежных мультфильмов, полюбившиеся российским детям, не будут доминировать, им обеспечат паритет и мирное сосуществование с Чебурашкой и Геной, Дядей Федором, Матроскиным и Шариком, Зайцем и Волком из «Ну, погоди!» и многими другими отечественными персонажами. Найдется место и для всемирной сказочной классики, например для Маугли с Багирой, Снежной Королевы и Кая с Гердой.

В просторнейшем здании высотой в три с половиной десятка метров поместятся около полусотни современных аттракционов, среди них «Полет над миром динозавров», «Поездка по затерянному миру», различные интерактивные шоу. Магические декорации, чудесные спецэффекты, удивительные мультимедийные технологии

позволят любому желающему погрузиться в другое измерение, «по ту сторону экрана», непосредственно пообщаться с любимцами из сказок и мультфильмов. Как это будет происходить (или хотя бы выглядеть)? Подробности, связанные с новейшими зрелищными ноу-хау, организаторы пока не разглашают. Тем сильнее окажется эффект от сюрпризов, заготовленных для первых посетителей «Острова мечты». В том же павильоне при необходимости возникнут усеянное звездами небо, зимний снегопад, легкий морской бриз или мощный, порывистый ветер.

Повсеместно оборудуют тематически оформленные мини-кафе, игровые площадки, зоны спокойного отдыха с удобными пуфами и диванами.

«Создание этого парка имеет огромное значение не только для Москвы, но и для всей России, — сказал в одном из своих выступлений мэр Сергей Собянин. — Наши дети имеют право на самый лучший и самый веселый парк в мире».

«Остров мечты», напомним, появится во всем своем великолепии в Нагатинской пойме, на территории Южного административного округа. Поблизости — проспект Андропова и Третье транспортное

кольцо, станция метро «Технопарк». В начале XX века в этих местах были непроходимые болота, которые затапливались в периоды разлива реки. В 1930-х местность начали «урбанизировать». В 1935-м соорудили Перервинский гидроузел, насыпали грунт. В 1960-е проделали завершающие осушительные работы, вырыли спрямительный канал длиной 3,5 километра. В 1977 году разбили Парк имени 60-летия Октября, сделали пешеходные дорожки, высадили деревья и кустарники. В 1985-м построили Южный речной вокзал. И все-таки до полноценного благоустройства было далеко. Оно — дело нашего ближайшего будущего.

Вскоре тут раскинется живописный ландшафтный парк площадью 35 гектаров, в нем и все заповедные уголки сохранятся, и образуются вдобавок самые современные, «европейские», парковые зоны. На «Острове мечты» можно будет поиграть во многие игры на спортивных и детских площадках, поплясать на танцполе, посмотреть разные фильмы в открытом кинотеатре, пройти курсы обучения «всему на свете» в специальных павильонах, посидеть или погулять возле красочных фонтанов, покататься на велосипедах.

Сугубо развлекательную часть парка оформят в виде сказочного города с центральной площадью и улочками, по которым станет курсировать двухэтажный «лондонский» автобус. Здесь разместятся один из лучших московских кинотеатров (24 зала, включая

оборудованные технологией IMAX), концертный зал, 4-звездочный отель на 410 номеров, яхт-школа для детей, круизный причал. Набережную Москвы-реки протяженностью более двух километров сделают пригодной для максимально комфортабельного променада отдыхающих, обеспечив ее множеством магазинов, «видовых» кафе, ресторанов. Ближняя автопарковка будет рассчитана на 5000 мест.

«К запуску парка планируем полностью построить дорогу от проспекта Андропова вдоль набережной. Следующим этапом, в 2018 году, должно стать сооружение моста для связи с Варшавским шоссе. Это существенно снизит транспортную нагрузку в районе», — обещает заместитель мэра Москвы по вопросам градостроительной политики и строительства Марат Хуснуллин, добавляя, что реконструкции подлежат большая дорожная сеть и относительно скоро рядом будут запущены две станции Московской кольцевой железной дороги. Ведь развитая транспортная инфраструктура — едва ли не важнейшее условие успешности любого подобного мегапроекта. А он в основном осуществляется за счет частного финансирования, инвестор — группа компаний «Регионы». Открытие парка развлечений в Нагатинской пойме позволит создать более семи тысяч новых рабочих мест.

А главное, подарит детям удивительный, полный чудес XXI века, собственный Остров.

Записки охотника

Кружка малины

Михаил Булгаков

Силу и прелесть дикой ягоды не всегда можно объяснить в двух словах. Ее животворные, а то и магические свойства сплетаются в сознании с вольными просторами мшистых болот, светлыми полянами в солнечных бликах, чистыми лугами и прохладой родниковой воды. Не зря землянику или чернику привозят на рынок в лукошках-туесах и продают стаканами — хорошего понемножку.

УМИРАЮЩИЙ Пушкин, как говорят, думал не о судьбе России, не о Дантесе и даже не о стихах. Он попросил, чтобы ему принесли моченой морошки. Уходящая жизнь меркла, теряла вкус и сжималась до горсти трогательно-невзрачных ягод с терпким ароматом, что закатились в один из уголков памяти поэта в ярком детстве, когда добрая няня потчевала его нехитрым деревенским лакомством.

ФОТО: ИТАР-ТАСС

Н. РАКОВ. «ДЕВОЧКА С ЯГОДАМИ», 1879

Наверное, кому-то из узбекских поэтов на грани жизни и смерти хочется попробовать в последний раз урюк или изюм, эфиопу — финик, но Пушкин попросил моченую морошку.

У здоровых-то мужиков какое отношение к ягоде? Да никакое. Даже наливки и настойки из нее их мало колышут, вот морс — да, холодный морс поутру освежает пересошую полость рта и рассветные затхлые мысли,

но это особая, интимная песня. Когда же речь заходит о сборе ягоды, мужчины часто теряются, в их словах и поступках проступает какая-то неуверенность, легко переходящая в агрессию. И уж совсем мало кто видел артель гордых охотников, коленопреклоненно шарящих в ягодных кочках. А я не только был тому свидетелем, сам входил в такую артель и прополз по вологодским болотам не один километр. Ружья висят на сосенках, а добытки, корячась взад-вперед, и час, и другой испытывают собственное терпение и по ягодке, по горсточке, по кружечке полнят вроде бы маленький, обычный с виду, а на поверку бездонный пластиковый пакет.

Виной всему ягодная жадность — есть и такая. Есть даже двойная ягодная жадность.

Во-первых, когда брусники-черники-малины невпроворот, мало кто может правдоподобно изображать безразличие. А во-вторых, если у кого-то нервишки дрянь и он нечаянно тормознет на красной полянке, то кто же в здоровом-то уме способен стерпеть такое вероломство, — жадность усугубляется завистью. Никто ведь не собирается торчать на ягоду весь день — так, немножко пощипать для разнообразия, разве литрушку на кисель. Хотя как сказать...

В моем охотничьем альбоме на старых фотографиях — увы, черно-белых — можно разглядеть амбарные мешки, целые горы клюквы. На зеленом мху она привлекательна и играет на солнце в скромном количестве, но когда мы впятером высыпали на подстилку по мешку клюквы для просушки, зрелище получилось праздничное. А потом обсохшую на ветру бойкую ягоду катали-веяли на деревянном грохоте, и она, очищенная от сора, делалась еще краше. Кто-то даже предлагал выставить прозрачный мешок с нею напоказ

недалеко от крыльца и стеречь птицу, ведь какой соблазн! Скорее всего, рябчики и тетерева ни за что не клюнули бы на такую клюкву, потому что в лесу или на болоте ягода не растет в мешках, но на человеческий завидущий глаз целый мешок отборной клюквы выглядел неотразимо и приманчиво.

Чудо дикой ягоды не в абсолютной ее пользе, не в разнообразии вкуса и запаха или скромной красоте, чудо в том, что из года в год, век за веком она вообще родится в веселящем взор изобилии. И очень жаль, что городские ребята никогда не видели вольную ягоду на корню, не ели от пуза лесную землянику и не дразнили друг дружку сизыми от черники языками.

Все лучшие клюквенные и брусничные болота знал старший в нашей команде, а ему открыл их по наследству дед Лавруха. Это только кажется, что где растет мох, тут и гребни ягоду лопатой. Мох-то на Вологодчине известно сколько, но как отыскать в этом море ягодные острова? И вообще, вы хорошо себе представляете, что такое вологодские болота?

Вот как дед Лавруха объяснял непонятливому дорожку к заветному Федоровскому: «Когда за рекой пройдешь большое болото с бочагами, то у гарей держись левее и так-от вдоль гарей, вдоль них жми напрямки, не то в топь угодишь. А потом сушь под ногами дак почувешь и сразу опять влево забирай, где клади гнилые остались. Через полчаса аккурат в Соколовы пустоши вопреешься, там ягода всегда есть, только не удалая, дробная, потому дале шагай на солнышко, версты четыре. Оно, болото, на вид одинаковое, но ты не робей, скоро кочки длинные начнут попадаться, тут — стой, тормози. И уж отсюда будет вроде как отверток-от вправо, все кочки, кочки длинные. Вот по ним и шпарь до Федоровского болота. Таблички дак никакой на нем не прибито, по ягоде догадаешься, что попал, куда следует быть. Отсюда Федоровское болото и берет свое начало, а где кончается — Бог его знает, до конца за день не доберешься, а никто туда и не ходил никогда. Но зато и клюквища там... По пять-шесть ведер, а другие семь за день-от руками брали. По своей воле такую тягость на себя не примешь, а когда под конвоем, оно споро получалось, нас ведь туда гоняли на заготовки в пользу Красной Армии, для нужд, значит, фронта и победы над фашистами».

ФОТО: PHOTOPRESS

Деду Лаврову, здешнему старожилу и «сторожу» ягодных мест, больше нравилось говорить об охоте, а тайные клюквенные тропы он выдавал лишь в те годы, когда заморозки в начале лета выбивали зацветшую ягоду в целых районах и азартные собиратели уже не то чтобы рыска-

ли влегкую, а снаряжали серьезные экспедиции за сотнями верст. Но у нас-то, в наших бескрайних пределах в запасе всегда были урожайные уголки, обойденные напастью, — только не ленись.

Год на год не приходится. Бывало, что приедем, а ягода еще зеленая, и не разглядишь ее, словно страшный недород выдался. Ну и ладно, зато, не размениваясь на клюкву-бруснику, можно до отвала наохотиться, до кровавых мозолей сбить пятки — чего их жалеть, когда птица кругом непуганая, выводковая. И все грезится, что чем дальше в лес, тем гуще толпится дичь. Кабы так оно и было на самом деле... В иной день, возвращаясь из охотничьего похода без выстрела, я крепко сетовал на судьбу, но, заслышав вжиканье пилы или голоса, доносящиеся из избышки, начинал кружить в поисках хотя бы скромной дичинки, хотя бы бекаса. Весной, чуть только смеркнется, они тут как тут, воздух дрожит от этих самых бекасов. Так ведь за лето они еще и бекасятами обзаводятся, но осенью вместе с бекасятами-чертенятами как сквозь землю проваливаются. Такое впечатление, что птицы не просто куда-то улетают, а прямо-таки улечиваются — собаки всех охотничьих пород не в силах отыскать долгоносиков!

С недавних пор еще и коростели облюбовали наши почти домашние уголья, но и эти «охотничье-промысловые деятели» себе на уме. Им, видите ли, больше нравится на своих жилистых тощих ножках бегать, чем летать. И драпают по земле коростели с такой скоростью, что в траве за ними угонится не

Л. БАРАНОВ. «РОДИНА»

каждая собака. И вот я, чтобы не возвращаться с охоты попом, задумал поискать коростеля неподалеку от избы. Лазал до тех пор, пока не услышал, что кто-то впереди не то мяукает, не то бубнит. Навострив ружье, я на цыпочках подкрался к странному звуку, раздвинул кусты — здасьте вам! Дед Лавров собственной персоной.

Той осенью зелепупая клюкву вызрела муторно, не румянилась и не желала, что называется, вылезать, когда в один-два дня однообразный зеленый мох вдруг словно окропится красными каплями. Приехавший из райцентра в одну из ночей дед Лавруха узнал от нас ягодный расклад, но не опечалился: «Болотная ягода куда не убежит — пусть доходит, а я еще с той зимы мечтал малину собрать на варенье. Так захотелось, что зарок дал, что хотя бы кружечку, а наберу, чтобы другой зимой чайку дак с вареньем малиновым попить, простуду выгнать».

Малина — она капризная. В лесу кое-где попадалась, но меленькая, жидковатая и совсем не сладкая, а на полянах вокруг избы ее не было вовсе. Но старого Лавруху на мякине не проведешь, уж он-то знал, что искать малину надо не на полянах, а в зарослях дурной крапивы, что зелеными шапками накрыла руины заживо сгнившей деревеньки. Крапива на гнилье вырастает наглая и жгучая, но подслеповатый дед высмотрел-таки подходящий малиновый куст, проторил к нему тропку и стал собирать ягоду в высокую оловянную кружку, какими деревенские бабы раньше разливали молоко по кринкам. Он уже наполнил кружку почти с верхом и намурлыкивал себе под нос что-то веселенькое, но все равно безнадежно стариковское и дребезжащее.

Поющий дед развеселит кого угодно, и я, тихо подойдя к нему сзади, строгим милицейским голосом спросил: «Почем торговать ягодкой будем?» Лавруха не испу-

гался, не присел и не всплеснул руками, а просто неловко обернулся, зацепил кружкой за кусты, и вся малина полетела сквозь крапиву в сухую траву, просыпалась и сквозь нее — до самой земли.

Дед, глядя под ноги, пару раз недоуменно перевернул кружку вверх дном и только потом посмотрел мне в глаза: «Не горюй, сынок, я сейчас все подберу. А крапиву я не боюсь, она молодых-от жалит, а я уже ничего не чувю: ни жары, ни холода, ни еды, ни голода». Я зачем-то спросил, долго ли он трудился. «Да как чаю утром попил, вот с тех пор». Выходило, что три часа...

Я стал помогать Лаврухе выуживать и выцарапывать малину из травы, но где там... только щепоть и наскребли, а на кустах больше не осталось. Зато будущей осенью случился обвал малины, и я наполнял литровую банку в десять минут, вот только старый таежник Лавруха крепко простудился, слег и больше так и не добрался до родных ягодных мест.

Трапезная

ФОТО: PHOTOPRESS

Просто и со вкусом

Максим Сырников

Голландский путешественник XVIII века Корнилий де Бруин писал, как угощали его в Архангельске: «В этом доме принесли нам утром несколько видов репы различных цветов, поразительной красоты. Были тут фиолетовые, как наши сливы, серые, белые и желтоватые, все исписанные жилками красноватыми, похожими на киноварь или на лучшую красную камедь, на вид так же приятным, как и цвет гвоздики. Я списал несколько этих плодов на бумаге водяными красками, также послал несколько плодов в Голландию в коробке, наполненной сухим песком, к одному приятелю моему, охотнику до подобных любопытных вещей».

На Ивана Постного, в сентябре, у нас в прежние времена заканчивали собирать урожай репы.

Ее квасили, парили, толкли с маслом.

Вот уж действительно, что может быть проще пареной репы: взял корнеплод, завернул в фольгу, влив внутрь пару ложек воды, да и запек в духовке.

Из такой репы, только приготовленной не в фольге, а в вольном духу русской печи, готовили наши прабабушки похлебки. Пекли с ней пироги и томили каши. Да и так ели, намазав в миске или чашке с конопляным либо льняным маслом.

Очень жаль, что репа так стремительно уходит из современной русской кухни.

Попробуйте репяную похлебку, не пожалеете.

Репяная похлебка

Две небольшие репы

Корень петрушки

Стебель порей

Одна средняя морковь

Две ложки сливочного масла

Для бульона — говяжья грудинка

Соль

Зелень укропа и петрушки

Сварить бульон из грудинки.

Очищенные и помытые репу, петрушку,

порей и морковь сложить в чугунок,

добавить масло и стакан воды.

Поставить под крышкой в духовку

на 160–180 градусов.

Как только овощи размячатся,

вынуть чугунок из духовки, а все

содержимое протереть через сито.

Протертые овощи вновь сложить

в чугунок, залить двумя литрами

бульона, посолить и варить еще

не менее 20 минут.

Перед подачей на стол посыпать

зеленью.

ФОТОГРАФИИ: PHOTOPRESS

Своя

СЕНТЯБРЬ 2016

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Вереки